Смести с лица земли троцкистских предателей и убийц,—таков единодушный приговор рабочих, колхозников, ученых, писателей, всего советского народа

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! № 5 (641)

Литературная газета

Вторник, 26 января 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР Цена 30 коп.

Нет пощады изменникам!

Судебное следствие по делу троцкистского антисоветского центра раскрывает во всех отвратительных деталях картину кровавых преступлений изменников родины, лакеев фашизма, подлых реставраторов капитализма из так называемого «параллельного центра» троцкистов. Самые ужасающие образы мрачной и смрадной истории провокации и предательств всех времен бледнеют перед образами главарей бандитской шайки Троцкого—Гестапо. Нет меры подлости, циничного бесстыдства, морального и политического разложения, которую не превзошли бы Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и их подручные.

Выполняя волю своего атамана, действующего по прямым поручениям заместителя Гитлера по фашистской партии — Гесса, растленные негодяи превзошли в своей исступленной ненависти к трудящимся и фашистских бандитов генерала Франко, и профессиональных палачей германской тайной полиции, и отребья белогвардейской эмиграции. Наймиты германской и японской разведок, они возвели циничное двурушничество в основную свою моральную догму, доведя до гнуснейшего совершенства методику обмана и предательства.

Всем памятны статьи Радека и Пятакова во время процесса зиновьевско-каменевской шайки убийц, — статьи, в которых эти негодяи расписывались в преданности социализму и требовали беспощадной расправы с разоблаченными преступниками. Можно ли представить себе более наглое, более бесстыдное, более отвратительное двурушничество, чем эти статьи? Написав эти статьи, фашистские прохвосты шли на совещания для обсуждения планов дальнейших преступлений против советского народа, дальнейшей борьбы за реставрацию капитализма в СССР.

Развернутая программа реставрации капитализма — вот что об'единяло эти отбросы человечества. Отказ от политики индустриализации страны, сдача в концессию иностранным капиталистам важнейших отраслей промышленности, передача в распоряжение германских и японских капиталистов наших рудных богатств, нашей нефти, угля, золота, возрождение частнокапиталистических предприятий во всех отраслях добывающей и обрабатывающей индустрии — вот чего добивались Троцкий, Пятаков и их приспешники. Отдать в полное распоряжение капиталистов построенные советским народом предприятия—Магнитогорский и Кузнецкий заводы, автомобильные и тракторные гиганты, наши стахановские шахты, наши гиганты электропромышленности—таковы были вожделения фашистской резидентуры в нашей стране.

В сельском хозяйстве они замышляли возрождение капитализма путем разгрома колхозов, передачи тракторов кулачеству, ликвидации совхозов.

«Эта программа предусматривала отказ от политики индустриализации, коллективизации и, как результат этого отказа, под'ем в деревне на основе мелкого хозяйства капитализма, который в соединении с капиталистическими элементами в промышленности развился бы в капиталистическую реставрацию в СССР», — так характеризовал на допросе программу троцкистского центра бандит Сокольников. А циничный мерзавец Радек на судебном заседании 24 января «уточнял» эту программу следующим образом:

«...Отдача не только в концессию важных для империалистических государств об'ектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических об'ектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплоатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства. В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого строя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что речь шла о реставрации капитализма».

Троцкистские бандиты хорошо понимали, что всякого, кто посмеет открыто выступить с подобными «лозунгами», народ буквально разорвет на клочки. Они не могли рассчитывать на какую-нибудь поддержку в стране, и всю свою надежду бандиты возлагали на террористические методы борьбы и, главное, на прямое вмешательство своих империалистических хозяев — на войну Германии и Японии против СССР. Вот чего они ждали исступленно и злобно, принимая, по указке Троцкого, все меры, чтобы приблизить нападение фашистских государств на СССР и облегчить им войну со страной социализма.

Они рассчитывали пробраться к власти на штыках германских и японских фашистских армий — об этом Троцкий сговорился с Гессом, об этом договорился Сокольников, используя свое положение заместителя наркома по иностранным делам, об этом «беседовал» Радек на дипломатических приемах. Продажные прохвосты прекрасно понимали, что значит этот сговор. Они торговали нашей великой родиной, согласившись отдать Германии Украину, а Японии — Приморье и Приамурье, согласившись рабски следовать указаниям германских и японских фашистов, сделавшись шпионской резидентурой фашистских генштабов. Они хотели превратить нашу страну в колонию, а свободных рабочих и крестьян нашей родины—в рабов империалистических хищников.

Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и их подручные совершили тягчайшее преступление — измену родине, они превратились в шпионов и диверсантов фашизма, передав представителям иностранных разведок важнейшие государственные тайны, организуя по заданию этих разведок кровавые диверсионные акты в промышленности (в первую очередь, оборонной) и на транспорте, пытаясь тем самым ослабить военную мощь нашей страны.

Презренные изменники родине активно стремились к поражению СССР в случае нападения на него Германии и Японии. Поражение СССР в войне они рассматривали, как «один из вариантов» прихода к власти. «Первый вариант, — показал Пятаков на судебном следствии, — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременно совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь против Сталина и ближайших его помощников.

Второй вариант, который был, с точки зрения Троцкого, более вероятным, — это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а, значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти... Здесь был очень остро поставлен вопрос о пораженчестве, о военном вредительстве, о нанесении чувствительных ударов в тылу и в армии во время войны...»

Оба предательских «варианта» троцкисты стремились провести в жизнь: вредительствовали в оборонной промышленности, устраивали кровавые крушения поездов с красноармейцами, поставляли шпионские материалы фашистам, насаждали террористические группки, организовали покушение на жизнь товарища Молотова.

Оба антисоветских центра, об'единенный и «параллельный», центры предательства, измены и фашистского террора развивали лихорадочную «деятельность», стремясь расшатать мощь и крепость нашей страны и отдать ее на растерзание хищникам империализма. Во имя этой гнусной цели они убили народного трибуна, непреклонного большевика товарища Кирова, пролили кровь лучших стахановцев предприятий, где были организованы диверсионные акты, кровь красноармейцев, погибших при крушениях. Убивать, взрывать, разрушать, предавать и продавать родину—под этими «лозунгами» сплотилась каннибальская свора троцкистских выродков, озверевших от ненависти к трудящемуся народу, к государству победившего социализма.

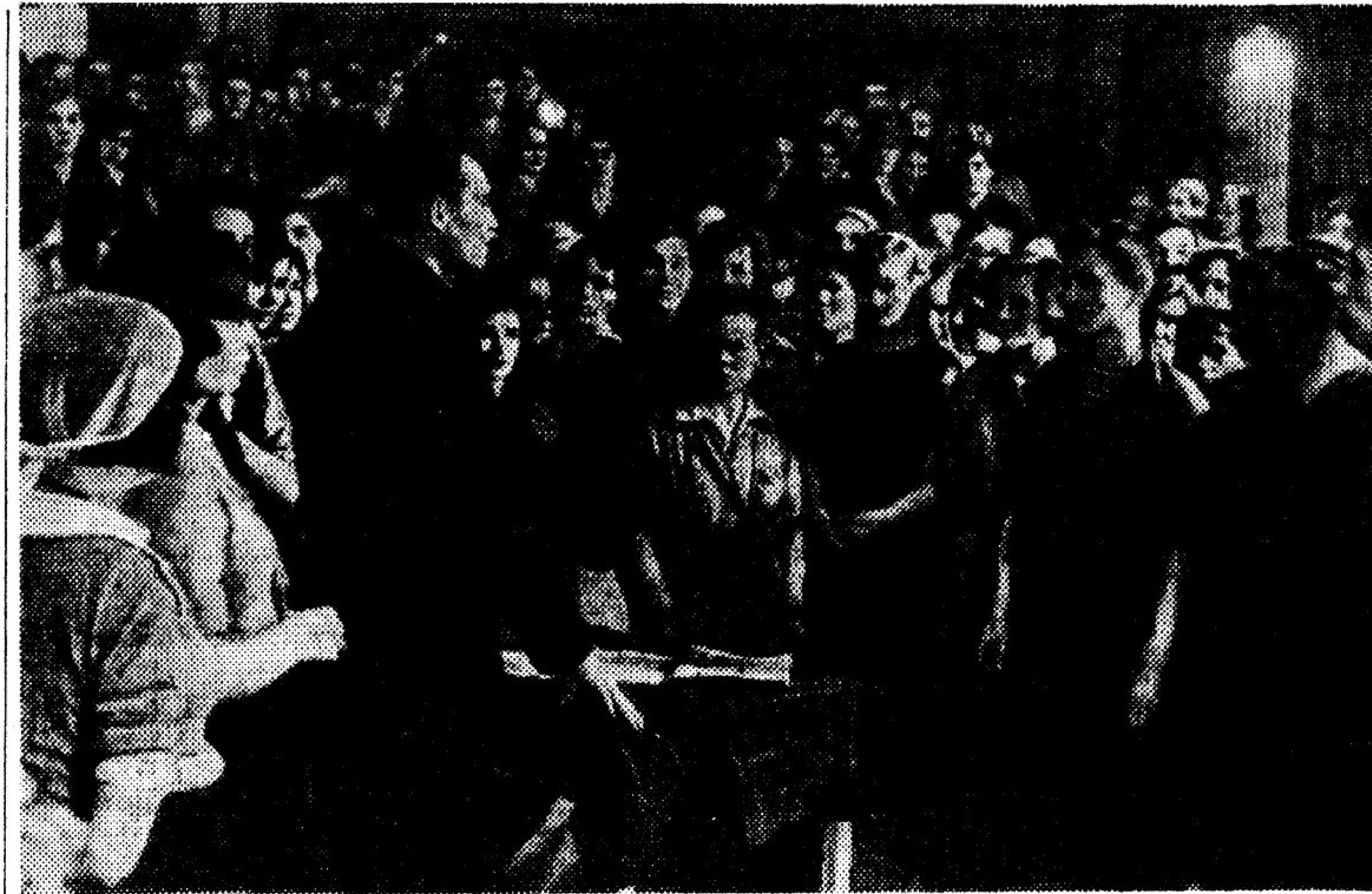
Назад, к капитализму, в кабалу к фабриканту и заводчику, в кулацкое и помещичье ярмо, под пяту иностранных завоевателей — вот куда хотели загнать могучий, свободный советский народ троцкистские изуверы. Они хотели отнять у народа все завоевания Великой социалистической революции, все великие права, завоеванные революционной борьбой многих поколений, кровью героев гражданской войны, трудом и героизмом сталинских пятилеток. Все это хотела отнять и растоптать исступленная банда врагов народа в угоду капиталистам, во имя торжества фашизма, ради восстановления капиталистического рабства.

Нет пощады лакеям фашизма, изменникам родины, подлым реставраторам капитализма!— таков голос всего советского народа, всех рабочих, колхозников, всей интеллигенции Советской страны! Нет пощады убийцам, шпионам, вредителям, диверсантам!

Всю жизнь эти люди боролись с Лениным и ленинизмом, всю жизнь они были подлыми предателями интересов рабочего класса — и вот теперь предстали перед судом, как продажная агентура капиталистического мира, пытавшаяся остановить победное шествие социализма.

Волны народного гнева бушуют повсюду в нашей великой стране. Истребить, стереть с лица земли изменников, до конца разоблачить и каленым железом выжечь троцкистские гнезда, все, без остатка! Выше революционную бдительность, еще теснее сплотим ряды вокруг партии и правительства!

Раздавить троцкистскую гадину, уничтожить врагов народа! — таков единодушный приговор рабочих, колхозников, ученых, писателей, бойцов Красной армии, всего советского народа, трудящихся всего мира!

В Ленинграде на заводах, фабриках, предприятиях и в военных частях состоялись митинги в связи с началом процесса троцкистских шпионов, диверсантов и изменников родине, входивших в троцкистский «параллельный центр». На митингах принимаются резолюции, требующие расстрела предателей. На снимке: выступление начальника участка № 3 Ленинградской чулочно-трикотажной фабрики «Красное знамя» тов. П. С. Спиридонова на митинге рабочих чулочного цеха № 1. Фото Федотова (Союзфото).

Неизвестные материалы о Пушкине

За это столетие, и главным образом, за 20 послеоктябрьских лет, найдено и опубликовано немало документов из архива Пушкина. Материалы, открытые и изученные советскими пушкинистами, многое дали для раскрытия бессмертного образа великого русского поэта, для уточнения его политических и литературных взглядов. И все же до последнего времени опубликованы далеко не все документы и материалы о Пушкине. Пусть оказывается все меньше и меньше «сенсационных находок» и «первоклассных открытий». Однако нам дороги каждый документ, каждая строка, каждое слово, связанное с жизнью и творчеством Пушкина.

К столетию со дня смерти Пушкина Институт литературы Академии наук СССР подготовил к печати первый том сборника «Литературный архив». В этой книге читатель найдет около **100 новых публикаций** о Пушкине: документы, письма, записи, хранившиеся в личном архиве поэта и рисующие отношение к Пушкину его современников. **Все эти архивные материалы печатаются впервые.**

... Будничная переписка, акты, написанные равнодушной рукой писаря, колонки цифр на счетах. Но и в этих случайных записях и бумагах, скрепленных черной сургучной печатью, ощущаешь присутствие живого Пушкина.

★

На одной из первых страниц сборника приведена подорожная, выданная 4 марта 1829 г. Санктпетербургским почтдиректором Константином Булгаковым:

«Г. Чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от Санктпетербурга до Тифлиса и обратно, предписываю Почтовым местам и Станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания, и к проезду оказывать всякое собие».

На обороте подорожной пометка: «Сие предписание в Комендантском управлении при Горячих минеральных водах явлено и в книгу под 109-й записано Сентября 8 дня 1829-го года. В Должности Плац адьютанта подпоручик Войтикович».

Эта подорожная — один из немногих документов, сохранившихся в бумагах Пушкина и относящихся к путешествию в Арзрум.

О путешествии в Арзрум напоминает и другой документ — «открытый вид», в котором предписывается «от Горячих минеральных вод до города Георгиевска Господину Чиновнику 10-го класса Пушкину от казачьих постов по тракту состоящих давать в конвой по два конно-вооруженных казака без малейшего задержания....»

И, наконец, в другом разделе сборника имеется любопытный счет писца, написанный 10 апреля 1835 г.:

Путешествие в Азию 40 лист.	20 р.
Notice des Yézidis remplis 3½	4 »
За бумагу—	2 »
	26 р.
Получено	6 ».
Следует	20 р.

«Путешествие в Азию» — это и есть «Путешествие в Арзрум», которое в 1835 г. готовилось Пушкиным к изданию отдельной книгой, но вышло в свет только через год, 11 апреля 1836 г., в первом томе «Современника». А «Notice des Yézidis» — заметка о секте езидов, написанная Пушкиным как приложение к «Путешествию в Арзрум» и недавно напечатанная в книге «Рукою Пушкина».

Интересны и расчеты с типографиями по изданию сочинений Пушкина и «Современника».

Прилагая счет за печатание «Современника», типограф Б. А. Браский пишет Пушкину:

«Посылаю вам, Милостивый Государь, Александр Сергеевич, щет за все три книжки Современника и как вы мне предлагали вместо уплаты напечатать Евгения Онегина, то потрудитесь уведомить меня, могу-ли я приступить теперь к печатанию его, — у меня уже все для этого готово; если же вы почему-нибудь переменили ваше намерение, сделайте одолжение пришлите с посланным моим следующие мне по щету деньги, в которых я терплю крайнюю теперь нужду. Вы кажется не можете на меня пожаловаться — я был необыкновенно терпелив».

О постоянных денежных затруднениях Пушкина свидетельствует не только приведенное нами настойчивое письмо кредитора, но и множество «заемных писем», которые выдавал «Титулярный Советник Александр Сергеев сын Пушкина».

Среди писем к Пушкину, публикуемых в «Литературном архиве», имеется и такой любопытный документ, как официальное отношение о возвращении книг, вытребованных поэтом из архива Инспекторского департамента военного министерства.

Книги перечисляются в особой ведомости «Разные секретные бумаги и своеручные документы Манифеста Пугачева, в двух книгах, Письма и донесения Графа Суворова Рымникского 1789, 1790 и 1791 годов, в одной книге», и т. д., — все они нужны были Пушкину для работы над «Историей Пугачева».

Ряд писем — от литераторов и «начинающих авторов». Казанская писательница А. А. Фукс посылает Пушкину два экземпляра только что полученной из типографии «Повести об Основании Казанского Царства», и два других экземпляра просит «доставить Князю Вяземскому и Господину Гоголю, Сочинителю Коммедии **Ревизор».**

Письмо А. А. Фукс, присланное из Казани, датировано 8 февраля 1837 года. Оно было написано **через десять дней** после смерти Пушкина. Николаевские жандармы «пресекали» слухи о гибели великого поэта, скорбная весть медленно прокрадывалась через шлагбаумы полицейской цензуры.

★

Мы не даем полного обзора всех новых материалов из архива Пушкина, публикуемых сейчас в «Литературном архиве». Следует сказать, например, о большом разделе «семейных документов», — о множестве «Отказных книг» на имения и судебных решениях, по которым можно проследить историю трех поколений предков Пушкина.

Документы, которые теперь увидят свет, заканчивают публикацию всех известных бумаг такого рода. Эти бумаги Пушкин хранил в своем кабинете и не раз просматривал их. Пушкин гордился своими предками, имена многих из них были записаны на страницы истории русского народа.

Интересны в сборнике отзывы и воспоминания современников о Пушкине (Болотов, Хвостов и др.) и материалы, показывающие, например, текстологическую работу Белинского, подготавливавшего к печати сочинения Пушкина.

И даже в отделе «Смесь» мы находим документы, связанные с именем великого поэта. Мы говорим об интересном письме издателей «Полярной звезды» А. Бестужева и К. Рылеева А. Ф. Воейкову — редактору «Новостей литературы».

Дело в том, что еще в 1823 году Пушкин обещал редакции «Полярной звезды» свою поэму «Братья разбойники». Обещание это, из-за цензурных препятствий, не было выполнено своевременно. Поэма напечатана в «Полярной звезде» лишь в 1825 году. Но выход «Полярной звезды» задержался, и за полгода до выпуска альманаха Воейков успел напечатать 35 строк «Братьев разбойников», процитированных им в своем очерке, с таким громоздким названием: «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды». По этому поводу возмущенные издатели «Полярной звезды» написали Воейкову:

«Государь наш

Вы слышали от нас самих, что А. Пушкин отдал нам для П(олярной) з(везды) поэму: Разбойники. Вы знали тем же путем что она пропущена Цензурой и имели низость употребить во зло нашу доверенность, упредив нас напечатанием лучшей из оной части, без малейшего на то права... В следствие этого просим покорно вычеркнуть нас обоих из списка знакомцев ваших...

Александр Бестужев.
К. Рылеев.»

Обширный отдел посвящен Пушкину в драматической цензуре.

В резолюциях царских цензоров отчетливо видно стремление вытравить из произведений Пушкина элементы народности; все, что показывало отношение Пушкина к народу, его любовь к народу, протест против эксплоатации, социальный гуманизм — беспощадно запрещалось цензурой. Особой ненавистью пользовались «Борис Годунов» и инсценировки «Капитанской дочки» и «Дубровского», в которых усматривалась «поэтизация революционного движения крестьянских масс».

«Я нахожу,—пишет цензор И. Лебединский о «Борисе Годунове», — что все три сцены неудобны для простонародных зрелищ. Первая, и в особенности вторая выставляют монашество в совершенно невыгодном свете; третья же в которой самозванец из-за любви Марины, готовится итти возмутить целый народ и сесть на престол Московский, для зрителей, незнакомых с историей вполне непонятна и ничего поучительного в себе не содержит...»

Об инсценировке «Капитанской дочки» цензор тайный советник П. Фридберг дает такой отзыв:

«Настоящая пьеса представляется на рассмотрение цензора не в первый раз. В первоначальном виде она была запрещена цензурой 3-го Отделения Собственной Его Величества Канцелярии в 1859 году.

За тем она рассматривалась драматической цензурой Главного Управления по делам печати и также была задержана... Хотя автор полагает, что в ныне представленном экземпляре — им «исключено все, что не согласно с существующими правилами цензуры», но на деле оказывается, что самая существенная часть драмы, вызвавшая прежнее запрещение, т. е.: появление на сцене бунтовщика и самозванца — осталась почти целиком. Правда, в пьесе он назван просто «атаманом», но публика повсеместно так давно знакома с содержанием повести Пушкина, что она, без малейшего сомнения узнает в «атамане» легендарного «Пугачева», о котором в народе почти везде, — и в особенности в Приволжских и Приуральских краях, — до сих пор ходят предания...»

На этом отзыве цензора наложена резолюция: «Подлежит запрещению для нашей сцены».

★

Критика после выхода I тома «Литературного архива» (выходит под редакцией О. Цехновицера) очевидно даст развернутую оценку всему сборнику и историко-литературной работе отдельных его сотрудников: П. Люблинского, Л. Модзалевского, М. Цявловского, А. Дымшица, Б. Мейлаха, В. Западова, В. Абрамкина, Н. Степанова, Н. Мордовченко, В. Закруткина и др. Мы ограничиваемся лишь кратким обзором некоторых новых материалов о Пушкине, печатающихся в «Литературном архиве». Эти материалы красноречивы сами по себе, они ценны и интересны, как все, что касается жизни и бессмертного творчества гения русской литературы.

Б. РЕСТ

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

2 стр. **ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА — ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.**

3 стр. АЛ. ТОЛСТОЙ — Сорванный план мировой войны.
Н. ТИХОНОВ — Ослепленные злобой.
К. ФЕДИН—Агенты международной контрреволюции.
Ю. ОЛЕША — Фашисты перед судом народа.
В. ГУСЕВ — Голос страны.
Д. АЛТАУЗЕН — Пощады нет.

4 стр. А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ — Презрение наемникам фашизма.
ВС. ВИШНЕВСКИЙ — К стенке!
И. БАБЕЛЬ — Ложь, предательство, смердяковщина.
Л. ЛЕОНОВ — Террарий.
М. ШАГИНЯН — Чудовищные ублюдки.
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Эти люди не имеют права на жизнь.
Г. ШТОРМ — Они готовили кабалу для народа.
М. КОЗАКОВ — Шакалы.
В. ИЛЬЕНКОВ — Под маской «литераторов».

5 стр. Г. ЛАХУТИ — Родине.
М. ИЛЬИН, С. МАРШАК — Путь в Гестапо.
В. ЛУГОВСКОЙ — Горе фашистам и их приказчикам.
А. КАРАВАЕВА — Изменники родины, шпионы, диверсанты и лакеи фашизма.
Л. СЛАВИН — Выродки.
Н. ОГНЕВ — Кровавая свора.
А. ПЛАТОНОВ — Преодоление злодейства.
Г. ФИШ — Ответить так, как советовал «Друг народа».
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ — Наш вердикт.
В. ШКЛОВСКИЙ — Эпилог.

6 стр. К. ФИНН — Есть ли большее предательство?
Б. ЛАВРЕНЕВ — Их судит вся страна.
А. МАЛЫШКИН — Из дневника
СКИТАЛЕЦ — Торговцы кровью.
Д. МИРСКИЙ — Чужеродный сор.
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Мастера смерти.
Р. ФРАЕРМАН — Мы вытащим их из щелей на свет.
Б. РОМАШОВ — Изменникам — суровый приговор.

ДВА СОВЕЩАНИЯ

Уже несколько дней происходит всесоюзное совещание по вопросам кинематографии.

Вчера открылось репертуарное совещание художественных руководителей театров и драматургов.

Никогда еще перед совещаниями такого рода не стояли задачи большей сложности, чем сейчас, когда мы находимся накануне подведения двадцатилетних итогов Великой Пролетарской революции.

Каких могучих образов ждет страна от своих художников, какой колоссальный счет она пред'являет людям искусства, поставленным у нас в условия, о которых художники на Западе не могут даже мечтать!

Партия в последнее время чаще и настойчивее, чем когда-либо, напоминает всем отрядам советского искусства об этом их долге перед народом, все чаще и настойчивее выдвигает перед ними задачу создания литературы социалистического реализма, правдивого отражения героического прошлого и настоящего народов Советского Союза.

Сумели ли, однако, наши драматурги, сценаристы, композиторы, режиссеры извлечь нужные уроки из всех мероприятий, осуществленных партией в нынешнем году в области искусства?

Мобилизуют ли они все творческие силы для того, чтобы выдержать то серьезное испытание, которое выдвигает перед ними юбилейный год революции? В какой мере оказались реальными все многочисленные заявки, данные писателями на различных совещаниях ,в частности, на специальных совещаниях, созванных в прошлом году драмсекцией ССП?

Ведь в стенограммах зафиксированы сотни названий, тематических наметок, сюжетных схем, предложенных тогда сценаристами и драматургами, и все это страстно обсуждалось. Люди брали на себя какие-то обязательства в отношении сроков, намечены были какие-то меры по «контролю исполнения», по оказанию помощи тем, кто в ней нуждается, и т. д.

Каковы же конкретные результаты всех этих разговоров и обсуждений?

Совещания, созванные Комитетом по делам искусств, должны дать на это прямой и исчерпывающий ответ. Они должны дать точное, недвусмысленное представление о том, с чем идут к юбилею кино и театр, в какой мере справились они с задачей организации юбилейного репертуара; они должны дать точную картину положения на фронте драматургии и кинодраматургии.

Данные, приведенные, например, т. Б. Шумяцким в его докладе на киносовещании, особой радости не вызывают. Есть основания думать, что и драматурги наши не очень еще сильно раскачались. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что на репертуарном совещании предполагается обсудить всего лишь две новых пьесы: «Большой день» Киршона и «Банкир» Корнейчука.

Все это внушает тревогу. Ведь сроки, отделяющие нас от юбилея, весьма незначительны. В случае дальнейшего промедления со сдачей пьес и сценариев авторы лишают театры и кинофабрики возможности нормально осуществить намеченные постановки.

Совещание по репертуару театров и совещание по кино должны заострить свое внимание на этих вопросах.

На основе большевистской самокритики они должны выявить те неполадки, которые допущены в подготовке к двадцатилетию Великой Социалистической революции.

Но этого, конечно, мало!

Необходимо наметить и такие конкретные мероприятия, которые создали бы уверенность в том, что отставшие в темпах драматурги наверстают упущенное время и что театры и кинематография будут обеспечены к великому двадцатилетию репертуаром, достойным этой даты.

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

На собрании писателей

21 января, в день тринадцатой годовщины смерти В. И. Ленина, советские писатели собрались в ДСП, чтобы почтить память величайшего вождя человечества, организатора коммунистической партии большевиков.

Доклад о жизни Ленина и его бессмертных делах сделал писатель-орденоносец Вс. Вишневский. В ярких, сильных словах он рассказал о детстве Ленина, о его семье и обстановке, в которой вырос и воспитался Владимир Ильич; о громадной творческой созидательной работе Ленина на революционном поприще, в подполье, во время Октября и в годы гражданской войны.

Значительную часть доклада писатель посвятил победам и достижениям, одержанным за последние 13 лет партией Ленина—Сталина и всей страной под руководством гениального ученика Ленина — товарища Сталина.

Гневно звучал голос докладчика, когда он говорил о кулацких и троцкистских последышах, пытавшихся посягнуть на волю и счастье народа, о подлых гадах фашизма Зиновьеве и Каменеве, о шпионах-вредителях, фашистских агентах Пятакове, Радеке и иже с ними.

— Мы все, как один, готовы драться за торжество ленинизма, за коммунизм! — эти слова докладчика писательская аудитория покрыла громовыми аплодисментами.

Пушкинская сессия Академии наук СССР

13 февраля в Москве откроется торжественная сессия Академии наук СССР, посвященная столетию со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина. Сессия начнется вступительной речью президента Академии наук СССР акад. В. Л. Комарова.

Доклад о мировоззрении Пушкина сделает проф. В. Я. Кирпотин. Писатели А. Н. Толстой и Н. Тихонов выступят с докладами о творчестве Пушкина. На сессии состоятся также доклады акад. А. С. Орлова «Пушкин, как создатель русского литературного языка», проф. М. А. Цявловского «Судьба рукописного наследия Пушкина», П. И. Лебедева-Полянского «Пушкин в истории русского общественного движения», проф. Нечкиной «Пушкин и декабристы» и другие.

Торжественная пушкинская сессия продлится три дня.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Обвинительное заключение

по делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольникова Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Лившица Я. А., Дробниса Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. А., Норкина Б. О., Шестова А. А., Строилова М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Пушина Г. Е. и Арнольда В. В., обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58—1-а, 58—8, 58—9 и 58—11 УК РСФСР

Следствием по делу об'единенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, участники которого осуждены Военной Коллегией Верховного Суда СССР 24-го августа 1936 г., было установлено, что наряду с вышеуказанным центром, существовал, так называемый, запасный центр, созданный по прямой директиве **Л. Д. Троцкого** на тот случай, если преступная деятельность троцкистско-зиновьевского блока будет разоблачена органами советской власти. Осужденные члены об'единенного троцкистско-зиновьевского центра **Зиновьев, Каменев** и др. показали, что в состав запасного центра входили известные по своей прошлой троцкистской деятельности **Пятаков Ю. Л., Радек К. Б., Сокольников Г. Я. и Серебряков Л. П.**

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что, так называемый запасный центр в действительности был параллельным троцкистским центром, который был организован и действовал по прямым указаниям находящегося в эмиграции **Л. Д. Троцкого.**

Свою преступную деятельность троцкистский параллельный центр наиболее активно развернул после злодейского убийства Сергея Мироновича **Кирова** и последовавшего затем разгрома об'единенного троцкистско-зиновьевского центра.

Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя. **Л. Д. Троцкий** и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи иностранных государств, с целью восстановления в СССР капиталистических отношений.

Эти изменнические замыслы против Советского Союза **Л. Троцкий** изложил в наиболее законченном виде в своем директивном письме параллельному троцкистскому центру, полученном обвиняемым **Радеком К. Б.** в декабре месяце 1935 года

Обвиняемый **Радек** по этому поводу на допросе от 22 декабря 1936 года показал:

«Надо понять, писал **Троцкий,** что без известного приравнения социальной структуры СССР к капиталистическим державам правительство блока удержаться у власти и сохранить мир не сможет...

Допущение германского и японского капитала к эксплоатации СССР создаст крупные капиталистические интересы на советской территории. К ним потянутся в деревне те слои, которые не изжили капиталистической психологии и недовольны колхозами. Немцы и японцы потребуют от нас разряжения атмосферы в деревне, поэтому надо будет итти на уступки и допустить роспуск колхозов или выход из колхозов». (том 5, лист дела 142, 143).

И далее:

«Мы с **Пятаковым** пришли к заключению, что эта директива подводит итог работы блока, ставит все точки над «и» выдвигая в самой острой форме вопрос о том, что власть троцкистско-зиновьевского блока может быть при всех обстоятельствах только властью реставрации капитализма». (т. 5, л. д. 146)

В свою очередь, обвиняемый **Пятаков,** излагая содержание своей беседы с **Л. Троцким,** имевшей место близ г. Осло в декабре месяце 1935 года, показал, что **Л. Троцкий,** требуя активизации диверсионной, вредительской и террористической деятельности троцкистской организации в СССР, подчеркнул, что, в результате договоренности с капиталистическими государствами, необходимо, как он выразился, отступить к капитализму По показаниям обвиняемого **Пятакова, Л. Троцкий** говорил:

«Это значит, надо будет отступать. Это надо твердо понять. Отступать к капитализму. Насколько далеко, в каком размере, сейчас трудно сказать, — конкретизировать это можно только после прихода к власти» (т. 1, л. д. 269).

О том, что программа параллельного троцкистского центра была программой восстановления капитализма в СССР, показал обвиняемый **Сокольников Г. Я.** на допросе 30 ноября 1936 года:

«Эта программа предусматривала отказ от политики индустриализации, коллективизации и, как результат этого отказа, под'ем в деревне на основе мелкого хозяйства капитализма, который в соединении с капиталистическими элементами в промышленности развился бы в капиталистическую реставрацию в СССР

... Все члены центра сходились на признании того, что в нынешних условиях другой программы не может быть и что необходимо проводить в жизнь именно эту программу блока» (т. 8, л. д. 225).

Исходя из этих программных установок, **Л. Д. Троцкий** и его сообщники из параллельного центра вступили в переговоры с агентами иностранных государств с целью свержения советского правительства при помощи военной интервенции

В качестве базы для этих изменнических переговоров **Л. Д. Троцкий** и параллельный центр выдвинули: допущение в СССР развития частного капитала роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, сдачу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий и предоставление этим иностранным государствам других экономических и политических выгод, вплоть до уступки части советской территории.

По этому поводу **Л. Д. Троцкий** в упомянутом выше письме к **К. Радеку,** по словам обвиняемого **К. Радека,** писал:

«Было бы нелепостью думать, что можно притти к власти, не заручившись благоприятным отношением важнейших капиталистических правительств, особенно таких, наиболее агрессивных, как нынешние правительства Германии и Японии. Совершенно необходимо уже сейчас иметь с этими правительствами контакт и договоренность»... (т. 5, л. д. 140).

Следствием установлено, что **Л. Д. Троцкий** вступил в переговоры с одним из руководителей германской национал-социалистской партии о совместной борьбе против Советского Союза.

Как показал обвиняемый **Пятаков, Л. Троцкий,** в беседе с ним в декабре 1935 г., сообщил, что в результате этих переговоров он заключил с означенным руководителем национал-социалистской партии соглашение на следующих условиях:

«1) Гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера;

2) согласиться на территориальные уступки:

3) допустить германских предпринимателей, в форме концессий (или каких-либо других формах), к эксплоатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (речь шла о железной руде, марганце, нефти, золоте, лесе и т. п.);

4) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий:

5) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и па фронте. Причем эта диверсионная работа должна проводиться по указаниям **Троцкого,** согласованным с германским генштабом

Эти основы соглашения, как рассказывал **Троцкий,** были окончательно разработаны и приняты при встрече **Троцкого** с заместителем Гитлера **Гессом.**

Точно также, сказал **Троцкий,** у него имеется вполне налаженная связь с... правительством». (т. 1, л. д. 267, 268).

О характере этого соглашения и о размерах территориальных уступок **Л. Троцкий** сообщил в своем письме обвиняемому **Радеку** в декабре месяце 1935 года.

В этом письме **Л. Троцкий,** по показаниям обвиняемого **К. Радека,** писал следующее:

«...Неизбежно придется пойти на территориальные уступки... Придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину.

Германии нужны сырье, продовольствие и рынки сбыта. Мы должны будем допустить ее к участию в эксплоатации руды, марганца, золота, нефти, апатитов и обязаться на определенный срок поставлять ей продовольствие и жиры по ценам ниже мировых.

Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплоатации золота. Мы должны будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан и не мешать Японии в захвате Китая...» (т 5, л. д. 142, 144)

Не ограничиваясь своими личными переговорами с представителями иностранных государств, **Л. Троцкий** предложил членам параллельного центра установить связь с представителями этих государств в СССР.

По показаниям обвиняемого **Пятакова, Л. Троцкий** в своих письмах параллельному центру

«...требовал от **Радека** и **Сокольникова,** которые имели соответствующие возможности, нащупать здесь с официальными представителями держав необходимый контакт и поддержать то, что им, **Троцким,** практически проводится». (т. 1, л. д. 257).

В соответствии с этой директивой **Л. Д. Троцкого,** обвиняемые **Радек К.** и **Сокольников Г.** установили контакт с представителями тех же государств

По этому поводу обвиняемый **Радек** на допросе 4 декабря 1936 года показал:

«...Утверждение **Троцкого** об его контакте с представителями... правительства не было простой болтовней. В этом я мог убедиться из разговоров, которые мне приходилось иметь на дипломатических приемах в 1934—35 г.г., с военным атташе г. . . . . . и с пресс-атташе . . . . . посольства г. . . . . . . , очень хорошо осведомленным представителем Германии.

Оба они в осторожной форме давали мне понять, что у . . . правительства существует контакт с **Троцким».**

И далее:

«Я сказал г. К., что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело совершенно бесполезное, и что . . . правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков в СССР», т. е. от блока, когда последний придет к власти». (т. 5, л. д. 119 121).

Обвиняемый **Сокольников** также признал, что, используя свое служебное положение заместителя народного комиссара по иностранным делам, он, по указаниям **Л. Д. Троцкого,** вел тайные переговоры с представителями одного иностранного государства.

Обвиняемый **Сокольников** показал:

«По окончании одной из официальных бесед, происходившей у меня в кабинете, когда г. . . . и секретарь посольства собрались уходить, г. . . . . несколько задержался.

В это время оба переводчика вышли уже из кабинета. Воспользовавшись этим, г. . . . . в то время, как я его провожал к выходу, обменялся со мной несколькими фразами. Г. . . . . сказал мне: «Известно ли Вам, что г-н **Троцкий** сделал некоторые предложения моему правительству?».

Я ответил: «Да, я об этом осведомлен».

Г. . . . спросил: «Как Вы расцениваете эти предложения?».

Я ответил: «Я считаю эти предложения весьма серьезными».

Тогда г. . . . . спросил: «Это только Ваше личное мнение?».

Я ответил: «Нет, это мнение также и моих друзей». (т. 8, л. д. 235, 236).

Главные свои надежды на приход к власти **Л. Д. Троцкий** и его сообщники в СССР возлагали на поражение Советского Союза в предстоящей войне с империалистическими государствами. В соответствии с этим в своих переговорах с агентами иностранных государств лично **Л. Д. Троцкий** и параллельный центр, через обвиняемых **Радека** и **Сокольникова,** всячески стремились ускорить военное нападение этих государств на СССР.

Это подтверждается показаниями всех обвиняемых по настоящему делу.

Так, обвиняемый **Радек** на допросе от 22 декабря 1936 г. приводит следующее место из письма к нему **Л. Д. Троцкого:**

«Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться.. Так как главным условием прихода к власти троцкистов, если им не удастся этого добиться путем террора, было бы поражение СССР, надо, поскольку это возможно, ускорять столкновение между СССР и Германией». (т. 5, л. д. 143, 117).

Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР считали необходимым во время предстоящей войны занять активную пораженческую позицию, всячески помогая иностранным интервентам в их борьбе против СССР.

Так, например, обвиняемый **Пятаков,** передавая содержание своего разговора с **Л. Троцким** в декабре 1935 года, близ г. Осло, показал:

«Что касается войны, то об этом **Л. Д. Троцкий** сказал весьма отчетливо Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее время.

Он, **Троцкий,** считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Он считает, что приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением СССР». (т. 1 л. д. 258).

В соответствии с этим планом подготовки поражения СССР с целью захвата власти, **Л. Д. Троцкий, Ю. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, Серебряков Л. П., Я. Лившиц** и другие обвиняемые по настоящему делу развернули вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, направленную к подрыву экономической и военной мощи нашей родины, совершив, таким образом, ряд тягчайших государственных преступлений.

Следствием установлено, что по прямым указаниям **Л. Троцкого** и под непосредственным руководством параллельного троцкистского центра, ряд обвиняемых по настоящему делу: **Турок, Князев, Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше** и **Пушин** были непосредственно связаны с агентами—диверсантами германских и японских разведывательных органов, систематически занимались шпионажем в пользу Германии и Японии и совершили ряд вредительских и диверсионных актов на предприятиях социалистической промышленности и железнодорожного транспорта, особенно на предприятиях имеющих оборонное значение.

Эту шпионскую и диверсионно-вредительскую деятельность указанные выше обвиняемые осуществляли, в соответствии с имевшимися у троцкистов по этому поводу соглашениями, с иностранными разведчиками

Так, например, обвиняемый **Радек,** подтверждая показания **Пятакова,** на допросе от 22 декабря 1936 г. показал, что одним из пунктов соглашения, достигнутого **Троцким** с представителем германской национал-социалистской партии, было обязательство—

«...во время войны Германии против СССР.. занять пораженческую позицию усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям **Троцкого,** согласованным с германским генеральным штабом» (т. 5, л. д. 152).

Осуществляя взятые на себя обязательства перед представителями Германии и Японии, параллельный троцкистский центр организовал на ряде промышленных предприятий Советского Союза и железнодорожном транспорте диверсионно-вредительские группы, задачей которых было поставлено осуществление диверсионных и вредительских актов.

Обвиняемый **Пятаков** на допросе от 4 января 1937 года показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных об'ектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.

В этом пункте я действовал по директиве **Троцкого:** «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах». (т. 1, л. д. 287).

Следуя этой установке обвиняемого **Пятакова Ю.,** организованные параллельным центром группы совершили ряд диверсионно-вредительских актов на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте.

Так, например, как это было установлено на судебном процессе 19 — 22 ноября 1936 г., по делу троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике, по указанию обвиняемого **Дробниса,** был организован взрыв на шахте «Центральная», повлекший за собой гибель 10-ти и тяжелые ранения 14-ти рабочих.

(См. приобщенные к настоящему делу материалы и документы судебного следствия по Кемеровскому процессу от 19—22 ноября 1936 года).

На Горловском азотно-туковом комбинате, под руководством обвиняемого **Ратайчака,** было организовано три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекших за собой человеческие жертвы и причинивших огромный материальный ущерб государству.

Аналогичные диверсионные акты, по поручению **Ратайчака,** были совершены участниками троцкистской организации и на других химических предприятиях Союза (Воскресенский химический комбинат и Невский завод).

Диверсионный характер этих взрывов установлен актами специальной технической экспертизы и собственными признаниями обвиняемых **Ратайчака, Пушина** и **Граше** (т. 40, л. д. 30, 39, 50).

(См. акты технической экспертизы).

Наиболее активную диверсионно-вредительскую деятельность на железнодорожном транспорте проводили обвиняемые по настоящему делу: **Лившиц Я. А., Турок И. Д., Князев И. А. и Богуславский М. С.**

Так, обвиняемый **Князев,** по прямому заданию параллельного троцкистского центра, организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся большими человеческими жертвами. Из этих крушений наиболее серьезными являются:

а) крушение воинского эшелона на ст. «Шумиха» 27 октября 1935 года, во время которого погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев ранено;

б) крушение на перегоне «Яхино—Усть-Катав» в декабре 1935 года;

в) крушение на перегоне «Еланговер—Берляуш» в феврале 1936 года.

Крушения воинских поездов обвиняемый **Князев** организовал не только по указаниям параллельного центра и, в частности, руководителя диверсионно-вредительской работы на железнодорожном транспорте обвиняемого **Лившица,** но и по прямым заданиям агента японской разведки г-на Х.

По этому поводу на допросе 14 декабря 1936 года обвиняемый **Князев** показал:

«Что же касается шпионской работы и нанесения удара Красной армии, путем устройства крушений воинских поездов с человеческими жертвами, то я к этой работе приступил, лишь выяснив отношение троцкистской организации к шпионажу и диверсионной работе против Красной армии в пользу японской разведки.

Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, т. к. в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации». (т. 32, л. д. 61, 57).

О сотрудничестве с агентами японской разведки показал также и обвиняемый **Турок И. Д.** (т. 23, л. д. 106).

Совершая диверсионные акты в сотрудничестве с агентами иностранных разведок, организуя крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и промышленных предприятий, обвиняемые по настоящему делу не брезговали самыми гнусными средствами борьбы, идя сознательно и обдуманно на такие чудовищные преступления, как отравление и гибель рабочих, стремясь спровоцировать недовольство рабочих советской властью.

Так, обвиняемый **Пятаков** на допросе 4 декабря 1936 г., по этому поводу показал:

«Мы учитывали, что, в случае необходимости прибегнуть, в целях осуществления вредительских планов, к диверсионным актам,— неизбежно будут человеческие жертвы. Мы это учитывали и принимали как неизбежность». (т. 1, л. д. 196, 197).

Еще более цинично об этом показал обвиняемый **Дробнис:**

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно». (т. 13, л. д. 66).

О том, что эти враги народа, организуя диверсионные акты, сознательно шли на многочисленные человеческие жертвы, свидетельствует и следующее показание обвиняемого **Князева** от 26 декабря 1936 года:

«**Лившиц** дал особое поручение подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв». (т. 32, л. д. 92).

Аналогичные показания дал и обвиняемый **Турок И. Д.** (т. 23, л. д. 73).

Особо активную разрушительную работу на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, путем взрывов, поджогов, крушений поездов и т. п., троцкистский центр и руководимые им диверсионные группы на предприятиях и транспорте должны были развернуть во время войны, когда эти чудовищные акты предательства нанесли бы особо чувствительный удар обороноспособности Советского Союза.

Так, обвиняемый **Пятаков** дал указание обвиняемому **Норкину** подготовить поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Допрошенный об этом **Пятаков Ю. Л.** показал:

«Да, подтверждаю. Такое задание я **Норкину** действительно дал. Это было вскоре после моей встречи с **Троцким,** в которой он ставил передо мною вопросы о необходимости проведения в начале войны диверсионных актов на оборонных предприятиях. Именно в связи с этим я говорил с **Норкиным** о необходимости предусмотреть возможность совершения такого диверсионного акта в Кемерове». (т. 1, л. д. 309).

В свою очередь обвиняемый **Князев** на допросе от 14 декабря 1936 года показал, что по соглашению с параллельным центром он принял от агента японской разведки г-на Х. задание на случай войны:

«...организовать поджог воинских складов, пунктов питания и пунктов санобработки войск». (т. 32, л. д. 68).

Еще более чудовищное задание, направленное против советского народа, обвиняемый **Князев** принял от того же агента японской разведки, г-на Х.:

«...особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения остро-заразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск»... (т. 32, л. д. 68).

Предательская связь обвиняемого **Князева** с японской разведкой установлена не только личными показаниями **Князева,** но и обнаруженными у него перепиской с г. Х. и фотоснимками (письма г-на Х. с пометкой «15/XII» и от 23/VIII—36 года). (т. 32, л. д. 121).

Материалами предварительного следствия и собственными признаниями обвиняемых — **Ратайчака С. А., Князева И. А., Турок И. Д., Пушина Г. Е., Граше И. И., Шестова А. А.** и **Строилова М. С.** — установлено, что, наряду с диверсионно-вредительской деятельностью, троцкистский параллельный центр не менее серьезное значение в борьбе с Советским Союзом придавал организации шпионажа в пользу иностранных разведок.

Все указанные обвиняемые, будучи связанными с представителями германской и японской разведок, систематически снабжали их секретными сведениями важнейшего государственного значения.

Так, например, обвиняемый **Князев И. А.** снабжал японскую разведку, через упомянутого выше агента этой разведки г. Х., секретными сведениями о техническом состоянии, мобилизационной готовности железных дорог СССР и воинских перевозках. (т. 32, л. д. 103).

Обвиняемые **Ратайчак С. А., Пушин Г. Е. и Граше И. И.** признали, что они были связаны с германской разведкой, которой передавали секретные материалы о состоянии и работе наших химических заводов.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый **Граше** показал:

«Организация, участником которой я был, вела по заданию германской разведки не только диверсионную, но и шпионскую работу на предприятиях химической промышленности». (т. 21, л. д. 40).

Обвиняемый **Пушин Г. Е.,** признав свое участие в шпионаже, показал, что он и обвиняемый **Ратайчак С. А.** осуществляли связь с германской разведкой через монтера фирмы «Линде» — **Ленца.**

Обвиняемый **Пушин Г. Е.** на допросе от 26 октября 1936 года показал:

«**Ленцу** были переданы следующие материалы:

1) данные о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза за 1934 год;

2) программа работ всех химических предприятий Союза на 1935 год;

3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом.

Все эти материалы передал **Ленцу** лично я в разные сроки в первой половине 1935 года.

Кроме того, мне известно от **Ленца,** что непосредственно от **Ратайчака** он получил данные о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 г. по военно-химическим заводам. Помимо всего этого, **Ленц** систематически снабжался мною сведениями о простоях, авариях, о состоянии оборудования по азотным заводам». (т. 19, л. д. 31).

Аналогичную шпионскую работу в пользу германской разведки вели также и обвиняемые **Шестов А. А.** и **Строилов М. С.,** изобличенные в преступной связи с рядом разведчиков, прибывших в СССР под видом иностранных специалистов, каким был, например, осужденный за шпионско-диверсионную работу по «Кемеровскому делу» инженер **Штиклинг.**

Шпионская деятельность троцкистов в пользу германской разведки в ряде случаев прикрывалась их связью с некоторыми немецкими фирмами.

Следствием по настоящему делу установлено, что между **Л. Троцким** и некоторыми германскими фирмами было заключено соглашение, в силу которого эти фирмы содержали троцкистов за счет фонда, созданного путем накидок на цены товаров, ввозимых в СССР из Германии.

По этому поводу обвиняемый **Пятаков,** в связи со своей беседой с находящимся в эмиграции сыном **Троцкого — Л. Л. Седовым,** показал:

«...**Седов** передал мне указания **Троцкого,** чтобы я старался разместить побольше заказов в фирмах «Демаг» и «Борзит», с представителями которых **Троцкий** имеет связь.

Вам, — добавил **Седов,** — придется переплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу». (т. 1, л. д. 227).

В своих планах свержения советского правительства и захвата власти **Л. Троцкий** и параллельный центр первостепенное значение придавали террористическим актам против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что параллельный троцкистский центр, по прямым указаниям **Л. Д. Троцкого,** полученным **Пятаковым Ю. Л.** и **Радеком К. Б.,** организовал ряд террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Сочи, Новосибирске и других городах.

По показаниям обвиняемого **К. Радека, Л. Д. Троцкий** требовал:

«...организовать узкий коллектив надежных людей для выполнения террористических покушений против руководителей ВКП(б), в первую очередь, против **Сталина».** (т. 5, л. д. 102).

Такие же указания **Л. Д. Троцкий** дал обвиняемому **Пятакову** в беседе с ним в 1935 году.

Обвиняемый **Пятаков** показал, что

«...в этой беседе **Троцкий** говорил: «Поймите, что без целой серии террористических актов, которую надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство.

Надо борьбу еще более обострить, еще более расширить. Надо, буквально, не останавливаться ни перед чем, чтобы свалить **Сталина».** (т. 1, л. д. 263, 264).

Так агент фашизма **Л. Д. Троцкий** инструктировал троцкистскую организацию, подготовлявшую ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Организуя указанные выше террористические акты, троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Например, во время пребывания в Сибири в 1934 году председателя СНК СССР тов. **Молотова В. М.,** троцкистские террористы, под руководством обвиняемого **Шестова,** покушались на убийство тов. **В. М. Молотова,** устроив автомобильную катастрофу.

Непосредственный исполнитель этого злодейского преступления, член троцкистской террористической группы, обвиняемый **Арнольд,** показал по этому поводу на допросе 21 сентября 1936 года следующее:

«В сентябре 1934 года, точно дня не помню, **Черепухин** вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, что в Прокопьевск приезжает **Молотов...** Он тут же мне заявил, что я должен пожертвовать собой и во что бы то ни стало устроить катастрофу с моей машиной, которая будет подана **Молотову.** Я согласился и ответил, что все будет сделано». (т. 36, л. д. 32, 33).

Обвиняемый **Шестов** подтвердил это, показав:

«По указанию **Муралова,** я в 1934 году проводил активную подготовку к террористическому акту против председателя СНК СССР **Молотова** и секретаря Западно-Сибирского крайкома **Эйхе».** (т. 15, л. д. 157).

Покушение на жизнь председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. **Молотова В. М.** путем аварии с автомашиной, в которой он следовал от экспедиции шахты № 3 (Прокопьевское рудоуправление) по направлению к рабочему городку, было действительно совершено, но безрезультатно. (т. 36, л. д. 48).

Такова подлая предательская, антисоветская деятельность презренных фашистских наймитов, изменников родины и врагов народа — троцкистов.

Потерпев окончательно поражение в своей длительной борьбе против партии и советской власти, лишенные, вследствие полной победы социализма в СССР, всякой поддержки народных масс, представляя собой изолированную и политически обреченную группу бандитов и шпионов, заклейменных общим презрением советского народа, **Л. Д. Троцкий** и его сподвижники — **Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц** и остальные обвиняемые по настоящему делу совершили неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, изменили родине и превратились в шпионскую и диверсионно-вредительскую агентуру германских и японских фашистских сил

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным:

1) что, по указанию **Л. Д. Троцкого** в 1933 году был организован параллельный центр в составе обвиняемых по настоящему делу: **Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольникова Г. Я.** и **Серебрякова Л. П.,** задачей которого являлось руководство преступной антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии;

2) что, по поручению того же **Л. Д. Троцкого,** этот центр, через обвиняемых **Сокольникова** и **Радека,** вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, причем троцкистский центр обязался, в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок;

3) что, вместе с тем, этот центр через своих членов и других участников преступной троцкистской организации систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения;

4) что, в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности СССР, этим центром был организован и совершен на некоторых предприятиях и железнодорожном транспорте ряд вредительских и диверсионных актов, повлекших за собой человеческие жертвы и гибель ценного государственного имущества;

5) что этот центр подготовлял ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, причем были сделаны попытки эти акты осуществить;

6) что активное участие в указанной выше преступной деятельности этого центра, кроме его руководителей — обвиняемых **Пятакова Ю. Л., Сокольникова Г. Я., Радека К. Б.** и **Серебрякова Л. П.,** принимали обвиняемые: **Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Турок И. Д., Ратайчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Строилов М. С., Граше И. И., Пушин Г. Е.** и **Арнольд В. В.**

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в пред'явленном им обвинении и уличаются имеющимися в деле документами, вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

На основании изложенного, обвиняются:

1. **Пятаков,** Юрий (Георгий) Леонидович, 1890 г. рождения, служащий;

2. **Сокольников,** Григорий Яковлевич, 1888 г рождения, служащий;

3. **Радек,** Карл Бернгардович, 1885 г. рождения журналист;

4. **Серебряков,** Леонид Петрович, 1888 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи участниками антисоветского подпольного троцкистского центра, изменили родине, совершив преступления указанные в п. п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. ст. 58—1а, 58—8, 58—9 и 58—11 УК РСФСР.

5. **Лившиц,** Яков Абрамович, 1896 г. рождения, служащий;

6. **Муралов,** Николай Иванович, 1877 г. рождения, служащий;

7. **Дробнис,** Яков Наумович, 1891 г. рождения, служащий;

8. **Богуславский,** Михаил Соломонович, 1886 г рождения, служащий;

9. **Князев,** Иван Александрович, 1893 г. рождения, служащий;

10 **Ратайчак,** Станислав Антонович, 1894 г. рождения, служащий;

11. **Норкин,** Борис Осипович, 1895 г. рождения, служащий;

12. **Шестов,** Алексей Александрович, 1896 г. рождения, служащий;

13. **Строилов,** Михаил Степанович, 1899 г. рождения, служащий;

14. **Турок,** Иосиф Дмитриевич, 1900 г. рождения, служащий;

15. **Граше,** Иван Иосифович, 1880 г. рождения, служащий;

16 **Пушин,** Гавриил Ефремович, 1896 г. рождения, служащий;

17. **Арнольд,** Валентин Вольфридович, он же **Васильев,** Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи активными участниками той же антисоветской подпольной троцкистской организации, изменили родине, совершив преступления, указанные в п. п. 1—6 формулы обвинения, т. е. преступления предусмотренные ст. ст. 58—1-а, 58—8, 58—9 и 58—11 УК РСФСР.

Вновь изобличенные материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского центра, находящиеся в эмиграции, **Л. Троцкий** и его сын **Л. Л. Седов,** в случае их обнаружения на территории СССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 10 июля 1934 года, все указанные выше лица подлежат суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 19-го января 1937 года

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ

23 января начался суд над антисоветским троцкистским центром

Гнусные преступники признали себя виновными в пред'явленных им обвинениях

Безграничен гнев советского народа, единодушно требующего стереть с лица земли кровавых лакеев фашизма

Если враг не сдается —его уничтожают

Резолюция Президиума Союза Советских Писателей от 25 января 1937 года

Президиум Союза советских писателей заслушал и обсудил сообщение о процессе троцкистского «параллельного центра».

Вскрыто гнездо изменников, диверсантов, шпионов, пораженцев и террористов.

Сообщение выслушано нами, советскими писателями, с чувством глубокого гнева. Обвинительное заключение и вскрытые на суде факты вопиют. Предатели Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и вся их немногочисленная шайка наносили удары в спину трудовому народу. Троцкистские бандиты пытались сразить Красную армию с тыла. Не довольствуясь выдачей военных тайн, они пускали под откосы эшелоны Красной армии. Могилы наших красноармейцев остались на месте действия Пятакова и его агента Князева.

Изменники и предатели убили десятки рабочих Кемеровского рудника и Горловского завода. Руками «параллельного центра» убиты молодые инженеры, комсомолки, комсомольцы, стахановцы и ударники.

Не ограничиваясь всей этой деятельностью, Пятаков, Радек и их группа ряд лет подготовляли убийство Сталина и его соратников — благородных и доблестных людей, ведущих 170-миллионный народ от победы к победе. Путем террора предатели-троцкисты думали расчленить социалистическое наше государство, как колонию отдать его германским и японским фашистам. Троцкисты готовили кровавую программу восстановления капитализма и месть рабочим, колхозникам, всем честным труженикам Советской страны за все 20 лет созидательной социалистической работы. Втайне подготовленные убийства на железных дорогах, в рудниках и на химзаводах были лишь началом огромной программы убийств и расправ, которая готовилась в троцкистском подполье против нашего народа.

Ответ на все эти преступления может быть только один. Пять месяцев тому назад народ уничтожил банду Зиновьева—Каменева. Также должно быть поступлено и с ныне пойманной группой бандитов: Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и прочими.

Писатели единодушно требуют поголовного расстрела участников этой банды. Писатели помнят слова Горького: «Если враг не сдается, — его уничтожают».

Писатели СССР заявляют о том, что они удвоят свои усилия для того, чтобы вооружить народ новыми книгами, рисующими эпос народа и великой Коммунистической партии большевиков. Эти книги должны пойти на вооружение СССР. Эти книги должны поднять и поднимут оборонную способность нашей страны. Эти книги покажут всему миру, как в бессмертные 1917—1922 гг. социалистическое государство раздавило армии четырнадцати стран—интервентов,—как из России и Украины была вышвырнута немецкая армия, а с Дальнего Востока — японская.

Изменники причинили вред стране. Многомиллионный советский народ, руководимый партией Ленина—Сталина, раздавит гадину. На происки врагов он ответит новым под'емом творческих сил, новыми победами. Дело социализма несокрушимо. Оно восторжествует во всем мире.

Г. ЛАХУТИ, ВС. ВИШНЕВСКИЙ, В. КИРПОТИН, ВС. ИВАНОВ, Ф. ГЛАДКОВ, А. ФАДЕЕВ, А. АФИНОГЕНОВ, А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, А. СУРКОВ, ИЛЬЕНКОВ, Б. ИЛЛЕШ, А. КАРАВАЕВА, А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ, Б. ПИЛЬНЯК, К. ТРЕНЕВ, М. ШАГИНЯН, И. СЕЛЬВИНСКИЙ, Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ, К. ГОРБУНОВ, М. СЕРЕБРЯНСКИЙ, К. ФЕДИН, В. ГЕРАСИМОВА, ВОЙТИНСКАЯ, НОВИЧ.

Голос советского писателя

На заседании президиума правления ССП

С необычайной остротой ощущают советские писатели свой долг перед советской общественностью, перед всей страной: разоблачить средствами искусства гнусную банду контрреволюционеров, держащих сейчас ответ перед советским судом.

Этот мотив был ведущим во всех выступлениях писателей на заседании президиума правления ССП от 25 января. С негодованием и презрением говорили тт. В. Кирпотин, А. Фадеев, Вс. Вишневский, Г. Лахути, Вс. Иванов, А. Безыменский, И. Сельвинский, В. Герасимова. А. Афиногенов, Ф. Березовский, Б. Иллеш и др. о троцкистских выродках, пошедших на службу международному фашизму, о вредителях и шпионах, пытавшихся проводить свое растлевающее влияние не только на хозяйственном и политическом, но и на культурном фронте.

Одной из неотложных задач в свете выяснившихся обстоятельств является, по правильному указанию тт. Безыменского, Сельвинского, Суркова и др., всестороннее разоблачение капитулянтских литературных концепций Радека и Бухарина, не мало вреда принесших советской литературе, концепций, дающих искаженное представление о пролетарской литературе СССР и Запада и ориентирующих литературную молодежь в направлении, явно враждебном марксистско-ленинскому пониманию искусства.

У врага была своя определенная тактика и в литературе, — указывает ряд ораторов:—начиная с пресловутого лозунга Троцкого о «попутчиках» и кончая радеко-бухаринской политикой дискредитации пролетарского крыла в литературе. Контрреволюционеры всех мастей стремились расколоть единство писательских рядов и заразить их настроениями, отнюдь не способствующими созданию бодрых, оптимистических, идейно насыщенных произведений.

С большим интересом выслушаны были на заседании президиума горячие речи Вс. Вишневского и А. Суркова, блестяще продемонстрировавших закономерность превращения Троцкого, Радека и всей прочей своры в шпионов и диверсантов, в от'явленных агентов фашизма.

Присутствовавшие на собрании писатели сделали правильный вывод из этих выступлений: необходимо знать биографию врага до малейших ее деталей, необходимо тщательно восстановить все упущенные памятью факты прошлой деятельности этих преступников, и довести до масс; факты эти будут говорить сами за себя и помогут постигнуть до конца истинную природу предателей революции.

Все ораторы единодушно констатируют, что процесс троцкистских бандитов имеет огромное значение для нашей общественности: он поможет увидеть в истинном свете многие явления, доселе остававшиеся в тени, он поможет уничтожить источники многих гнилостных, разлагающих влияний.

Но это не значит, что наступает момент полного успокоения.

Напротив, не все зубы еще вырваны у ядовитой гадюки, еще возможен не один укус из-за угла, не один предательский акт.

Это требует величайшей бдительности, величайшей настороженности.

В равной мере это относится и к литературной среде, в основном здоровой, сплоченной, как подчеркнул в своем заключительном слове т. Кирпотин, но не освободившейся еще окончательно от людей, способных в той или иной степени явиться в литературе проводниками чуждых нам и враждебных влияний.

В резолюции, принятой собранием, писатели присоединяют свой голос к голосу всего народа, требующего от советского суда одного:

Беспощадного уничтожения врагов революции!

В. ГУСЕВ

Голос страны

На Дальнем Востоке, в тайге суровой,
Боец-пограничник на землю упал.
Это его благородной кровью
Бандит Сокольников торговал.

Школьники Киевщины в тетрадях
Пишут стихи о своей стране,
Это их счастливое детство Радек
Хотел спалить на фашистском огне.

Страна заводы свои растила.
Зажигала огни молодых городов.
Это их, нашу гордость и нашу силу,
Взорвать и разрушить хотел Пятаков.

Горит советская наша звезда!
Растет волна народного гнева.
Республики, области, города,
Подводники с моря и летчики с неба,

В океанах идущие корабли,
Поля, раскинувшиеся без предела,
Каждая пядь советской земли, —
Властно требуют их расстрела.

Уничтожить гадов!

Митинги в издательствах

Широкая волна митингов прокатилась по всей стране при вести о подлых деяниях фашистских мерзавцев Пятакова, Радека, Серебрякова и других.

Раздавить гадину!

Уничтожить подлецов! — таков единодушный приговор всех граждан Советского Союза.

За это единогласно голосовали вчера на митингах и сотрудники центральных издательств—Гослитиздата, «Академии», Детиздата и «Советского писателя».

— Мы не позволим повернуть нашу страну назад, к капитализму, — говорят работники Гослитиздата в своей резолюции. — Враг и на этот раз просчитался. Не подорвать ему растущую мощь твердынь социализма.

Мы требуем от Верховного суда самой беспощадной революционной расправы над гнуснейшими изменниками, подлыми предателями нашей родины и лакеями фашизма.

Гадов нужно уничтожить!

Мы требуем, чтобы до конца была расследована преступная деятельность Бухарина, Рыкова и возглавлявшейся ими группы правых.

А. ТОЛСТОЙ

Сорванный план мировой войны

Вы, граждане Советского Союза, и вы, граждане других стран, великих и малых, — вы, в ком живо высокое чувство любви к родине, вы все, кто хочет, чтобы солнце освещало его мирный труд, а не висело кровавым шаром над пожарищами войны, — вдумайтесь в эту историю широко задуманного и сорванного предательства, и вы поймете, что преступление, которое готовилось в Советском Союзе, готовится повсюду, во всем мире.

СССР назначался первым к разгрому и оккупации: он должен был стать сырьевой и питательной базой фашизма для мировой войны, для всего того кровавого сумасшествия, которое в виде национал-социалистической идеологии вдалбливается в одурелые от всяческих бедствий головы буржуа.

Сегодня происходит судебный процесс. В Малом зале Дома союзов — большой стол на помосте, трое судей Военной коллегии Верховного Суда, лампы под зелеными абажурами, на сукне — томы допросов, налево за отдельным столом — прокурор, с седой головой, в черном, — при каждом вопросе подсудимому он поднимается и похож скорее на профессора, экзаменующего студентов по весьма сложным и критически важным вопросам. Напротив прокурора по правую сторону судейского стола сидят семнадцать подсудимых, отгороженных от публики балюстрадой и четырьмя каменными часовыми в буденновских шлемах.

В этой будничной обстановке, с внешне бесстрастными судьями, с внимательно-вежливым прокурором, который, получив от петляющего, как заяц, извивающегося, как сколопендра, подсудимого четкий ответ: «да» или «нет» (вместо: «видите ли, как вам сказать — психологически я был —да, фактически был нет»), который, стащив подсудимого с ковра-самолета к листу стенограммы, слегка разводит руками и говорит облегченно, как профессор экзаменуемому студенту: «вот видите»... — в этой обстановке поднимается нестерпимый смрадный ужас. Мы живем, трудимся, приносим жертвы ради устроения свободной, изобильной, справедливой жизни на земле... А эти — направо — семнадцать жили только для того, чтобы по шею в крови добраться — властвовать над сожженными войной городами, над обезлюдевшими землями, над остатками народов, брошенных в нищету, рабство и безнадежность. Короче говоря — у подсудимых это называется программой троцкизма.

Не обманывайте себя, граждане великих и малых стран: в Малом зале Дома союзов идет судебный процесс над преступлением, которое у нас уже вскрыто, — вам же неминуемо предстоит еще вскрыть аналогичные дела с теми же именами основных агрессоров.

Нужно предельно насторожиться. Нельзя терять и часу. Не обманывайте себя тем, что разные открыто существующие фашистские лиги кажутся вам уродливым, может быть, внушающим тревогу, но неизбежным явлением в сегодняшней системе буржуазного государства... Открытые фашистские организации—это одна лишь сторона фашизма (часто — это лишь комуфляж), еще страшнее — это подпольная фашистская работа: организация вредительства и террора, подготовка к разрушению всего государственного организма перед началом военных действий — работа Троцкого и троцкистов.

К счастью для европейского мира, один из таких чудовищных ударов предотвращен. На процессе семнадцати агентов Троцкого сорван один из важнейших планов большого стратегического плана фашизма, плана мировой резни.

По большому стратегическому плану фашизма подготовка его перед предполагаемым им разгромом нашей родины состояла в убийстве руководителей партии и правительства, в разрушении заводов, работающих на оборону, в отравлении ядами и вредоносными бактериями источников питания, то есть мясных комбинатов, консервных фабрик, водопроводов и пр., в организации на железнодорожных узлах так называемой «загрузки» и «зашивки» (по выражению подсудимого Серебрякова), то-есть непроходимых пробок и всеобщего хаоса, в заражении бактериями воинских эшелонов, в организации специальных, с большими человеческими жертвами, взрывов на заводах и шахтах для того, чтобы вызвать озлобление рабочих против правительства, и прочее и прочее...

Как видно, план универсальный, и несомненно предназначается не только для СССР.

Такой широко задуманный план возможен только при наличии опытных, преданных, наторевших в конспирации, многочисленных агентов, обладающих еще одним свойством: отсутствием какого-либо национального чувства, проще говоря, любви к своей родине... Отсутствие этого чувства является важным и решающим качеством для такого подпольного агента, потому что, если уже где-то в душе (как говорят поэты) начнет скрести и посасывать любовь к России, Украине, Грузии, к Франции, Чехословакии, Бельгии и прочее, такой человек ни к черту не годится...

Человек должен быть «без сентиментальности», универсальный «гражданин мира» вроде Ставрогина, что ли, или, проще говоря, — политический авантюрист с выжженной совестью и подлец...

Я не сомневаюсь, что руководителям фашизма пришлось поискать и поискать таких людей... На улице они не валяются... И вдруг, как в сказке, появляется то, что и нужно было, да еще с «таком» — Троцкий. Впрочем Троцкий долго кружился около мрачного штаба гестапо, примериваясь и принюхиваясь. Момент, когда произошел контакт, нам еще неизвестен...

Несомненно одно из показаний подсудимых Пятакова и Радека: в 1935 году Троцкий уже формально, «от лица СССР», договаривается с германским генеральным штабом. Он обязуется произвести упоминаемые выше террористические акты и разрушения государства перед войной, и после войны, т. е. после победы Германии, уступить ей, на правах германского генерал-губернаторства, Украину, предоставить германскому капиталу в эксплоатацию заводы и недра СССР, распустить колхозы, обязуется снабжать Германию пищевым довольствием и предоставляет Японии добычу золота, нефти, леса и прочее на Дальнем Востоке.

Взамен этих благ Германия обязуется предоставить Троцкому сформировать правительство на развалинах Советского Союза. Так как СССР Троцкому не принадлежал, то он легко и согласился на такой обмен благ, но потребовал гарантий того, что его не обманут и не выкинут после разгрома СССР.

На это германский генеральный штаб со всей немецкой откровенностью ответил, что нужно заслужить право быть царьком, что Троцкий не на словах, а на деле должен доказать свою преданность фашизму, свою деловитость и силу... А силу эту он докажет, если немедленно приступит к массовому избиению руководителей советского правительства и к разрушению мощи СССР...

Троцкий, как мы понимаем, ответил, что «вы, мол, господин, правы, и силу свою я докажу»...

Таково было вступление к развернувшейся затем работе Троцкого и его агентов на территории СССР... Из процесса мы знаем, откуда повелась нить: контрреволюционному центру Зиновьева—Каменева Троцкий не слишком доверял: там тоже очень хотели по шею в крови добраться к власти, с Зиновьевым—Каменевым пришлось бы разделить власть. Троцкий связывается с Карлом Радеком и создает параллельный центр, но уже чисто троцкистский.

Впрочем, все это известно из процесса. Нас интересует здесь один практический вопрос: что это за люди, один за другим подходящие к микрофону и отвечающие на вопросы прокурора, нам хочется познать их и рассказать о них для того, чтобы и у нас и во всем мире легче было «узнавать птицу по полету», чтобы находясь, как будто бы, среди честных людей, среди друзей мы могли бы легче узнавать врага по каиновой печати...

Н. ТИХОНОВ

Ослепленные злобой

Чудовищные преступления совершены против нашей родины этой группой угрюмо оглядывающихся людей, подходящих с таким нейтральным видом к микрофону отвечать на вопросы обвинителя — прокурора.

Но злоба, скрытая злоба вспыхивает в них сейчас же и сквозит в их ответах.

Разговорившись, они произносят слова «наша преступная работа», «наша контрреволюционная деятельность» с каким-то садическим самолюбованием, углубляются в подробности, наглеют, опьяняясь своим бандитским красноречием.

Трудно без негодования и гнева слушать исповедь этих людей. То, что они рассказывают, не имеет прецедентов.

Один, будучи заместителем комиссара по иностранным делам, вместо защиты интересов родины предлагал представителю чужеземной враждебной державы продать любые куски страны, которую представительствовал; другой, будучи заместителем комиссара тяжелой промышленности, со страшной усмешечкой составлял планы нового строительства и тут же — планы уничтожения этого строительства; третий, будучи заместителем комиссара путей сообщения, пускал под откос поезда и мечтал об устройстве катастрофического развала главных железнодорожных узлов страны.

В очередь становятся они, чтобы, добавляя и поправляя друг друга, ужасать делами, от которых у честного человека сжимаются гневно кулаки и шевелятся волосы.

Что хотели они получить в конце концов за свой неустанный «труд» убийц и разрушителей?

Призвав интервентов, залив Советский Союз кровью, покрыв страну руинами городов, фабрик, колхозов, — истребив миллионы трудящихся, — эти потерявшие человеческий облик упыри хотели тогда насладиться властью.

Власть! Вот слово, которое одно жило в их воспаленном мозгу. Они впадали от него в бешенство.

Пусть они станут только приказчиками, «околоточными», палачами фашизма, рабами мирового капитала, пусть рабочие и крестьяне будут снова брошены в лапы кулаков, «новой буржуазии», интервентских жандармов, пусть от счастливой страны социализма останутся развалины — пусть придут японские, германские фашисты, черт — дьявол — международная сволочь — все равно — они готовы на все, лишь бы настал их день, их час повластвовать какой угодно ценой.

Честные советские работники смотрят на них сейчас и не понимают, откуда взялись эти кровавые шуты, плясавшие под черные заклинания бегающего по миру их осатаневшего, разоблаченного вождя Троцкого, мечущегося в поисках хозяев, каким бы он мог продать подороже свою испытанную банду, закосневшую в преступлениях, от которых убежал бы в испуге каторжник.

У них были короткие лозунги:

убивай!
истребляй!
лги!
подличай!
продавайся!
притворяйся!

и один длинный: назад к капитализму — к капитализму без пределов, без условий...

Они доходили до неповторимого цинизма в своих «установках»... воспитать кадры убийц, воспитать кадры вредителей...

Они забыли, где живут,—в кабинетах наркоматов, в особняках Наркоминдела, на заводах, в рабочих поселках — они жили только преступным смакованием своих подлых планов и кровавых дел, потому они так, как будто речь идет о чем-то совсем другом, говорят сейчас свои речи, эти обугленные, пепельные люди с оловянными глазами пресытившихся изуверов.

Даже когда, по его словам, он был в некотором сомнении, говорит Радек, даже тогда, если бы к нему пришел его подручный — террорист, он бы сказал ему: продолжай убивать...

Пятаков, поглаживая свою рыжую бороду Иуды, почти хихикая, говорит, как они начали составлять вместе с помощником аккуратный план разрушения одной за другой областей оборонной промышленности.

Гибли рабочие при их вредительствах, гибли красноармейцы в организованных ими катастрофах.

«А как же иначе, — говорят они, — ведь Троцкий сказал: рабочий теперь не тот — его жалеть нечего...»

И не жалели...

С акцентом светского людоеда говорит без запинки Сокольников, как он приветствовал бы возрождение кулака, купца, палача-интервента — на территории страны, которая ему доверила охрану своих внешних интересов.

Иногда, слушая их, кажется, что это говорят не люди, что это ожившие восковые куклы — полутрупы, в которых какая-то таинственная сила зажгла темное подобие жизни.

Эта таинственная сила — вовсе не так таинственна. Это — злоба и ненависть. Они ненавидели страну, которая им верила, они ненавидели ее людей, ее дела, все, что она любила, всех, кого она любила, как своих избранников и вождей.

Они — ораторствующие упыри, жаждущие свежей крови во что бы то ни стало.

Может быть, даже привыкшие ко всему фашисты, с которыми они вели такую дружбу, — и те вытирали руки после их теплого «дружеского» пожатия, хотя у них у самих хватает подлости на многое.

Подумать страшно, каких еще бед натворили бы они, если бы не пресек их преступлений острый меч советского правосудия!

К. ФЕДИН

Агенты международной контрреволюции

Кто открыл все ворота врагу в период гражданской войны, после Октябрьской революции?

Кто впустил немцев на Украину, отдал Баку англичанам, пригласил французов на Черноморское побережье, отрезал Дальневосточные земли японцам, посадил англичан в Архангельск?

Кто поступался любыми территориями нашей страны, отдавал кому угодно любые богатства недр и морей, ставил крест на судьбе любого народа, — лишь бы свергнуть советскую власть?

Российская буржуазная контрреволюция...

Ценою великих жертв, принесенных рабочими, крестьянами и интеллигенцией, мертвая петля иностранной блокады была разорвана. Интервенты были разбиты, разгромлены и изгнаны с лица земли, исторически принадлежащей народам Советского государства.

Все нации, населяющие эту землю, об'единились в братство и в союз для строительства социализма, т. е. — новых, благородных форм жизни, свободных от эксплоатации человека человеком.

Самым драгоценным нашим достоянием, которым мы обладаем, стало нерушимое единство народов, построивших Социалистический Союз Советских Республик.

Здание этого единства было заложено Лениным. Сталин возвел его в такую высоту, что оно видно из каждого уголка земного шара.

Целью контрреволюции было расчленение богатой территории Союза ССР, вражда между его народами, господство капиталистов. История же осуществила другую цель — цель, поставленную социализмом: территория Союза ССР, как никогда, едина, народы его, как никогда, дружны, господство в нем повсюду принадлежит трудящимся.

Теперь, когда здание построено, все кажется так просто и ясно. Но нельзя забывать необычайно трудного исторического пути необыкновенно тяжелых условий, в которых происходило великое строительство. И никто никогда не забудет, что этот путь пройден и все трудности преодолены под водительством Сталина.

Величайшей исторической трудностью строительства СССР, которую гений Сталина непоколебимо преодолел и из которой вышел победителем, была ликвидация эксплоататорских классов.

И вот сейчас, как пузыри из болота, поднялись на поверхность остатки смрадных процессов разложения. И жизнь должна навести чистоту, убрать прочь вонючую гниль и нежить.

Враги всегда направляют удар в сердце и мозг своего противника. Вот почему враги социализма направляют свои низменные покушения на Сталина. Однако, дорога к сердцу и мозгу отлично защищена преданностью и неисчерпаемой молодой силой всей нашей страны. Сталин неуязвим.

Видя это, враг бросается к последнему, страшному средству борьбы: он хочет зажечь пожар войны и открыть ворота иностранцам на Западе и на Востоке, чтобы свергнуть советскую власть.

Кто же собирается снова впустить немцев на Украину, кто готов отрезать Дальневосточные земли японцам?

Агенты международной буржуазной контрреволюции, агенты международного фашизма—ничтожные приспешники Троцкого, стоящие сейчас перед судом СССР.

Когда социализму грозит опасность, его народы обносят границы Советского Союза новым железным кольцом обороны.

Сейчас все мы занесли молоты, чтобы выковать новое железное кольцо. И никаким предателям не удастся раскрыть для врага ворота в государство социализма.

Ю. ОЛЕША

Фашисты перед судом народа

Какое чувство в нас наиболее сильно? Ненависть к фашизму. На наших глазах в Испании происходит столкновение между народом и фашизмом. Каждый день приносит нам то или иное страшное известие о том, как проявляет себя фашизм. Он воспитывает палачей, преданных псов капитала, его последних наемников.

Эти молодцы должны быть жестоки, безжалостны, бессмысленны, автоматичны. Это не люди, а револьверы. Человек-револьвер, человек-маузер. Вот идеал фашистского воспитания. Маузер, направленный в каждого, кто хоть частью своей души сочувствует социализму. Для борьбы с прогрессивным человечеством организуются отряды этих молодцов. Мы являемся свидетелями того, как проявляют они себя. Это— насильники, убийцы детей, терзатели пленных.

Если от африканца-наемника, которому платят вышедшие из употребления немецкие деньги за то, что он воюет против народа, имени которого он даже не знает, веет чем-то трагическим, то перед образом фашистов, которых бросает в войну Германия, сознание останавливается в растерянности, не умея найти аналогию. Кто эти люди?

Гражданская война в Испании показала, что такое народ и что такое его ненавистники.

Те, кого сейчас судят, были прямой агентурой фашизма. Что можно сказать еще? Какая вина может быть еще более страшной? Эти люди воспитывали молодцов с револьверами. Им нужны были люди-маузеры.

В кого они должны были стрелять? В руководителей партии и правительства. Они покушались на Сталина. На великого человека, сила которого, гений, светлый дух устремлены на одну заботу — заботу о народе. Мерзавцы, жалкие люди, шпионы, честолюбцы, завистники хотели поднять руку на того, кому народ сказал: ты сделал меня счастливым, я тебя люблю. Это сказал народ! Отношение народа к Сталину рождает в сердце такое же волнение, какое рождает искусство! Это уже песня!

Нельзя без волнения думать о союзе между Сталиным и молодежью. Видно, как вдохновляется он ими и как они вдохновлены им. Сияет над эпохой этот обмен улыбками между вождем и поколением.

А тут читаешь о тайных свиданиях в кафе, о разговорах шепотом в кабинете, о ботинках с подметными письмами, о полетах с фальшивыми паспортами. Кто эти люди? Шпионы. Это из той шайки международных убийц, которые рыскают по миру, разосланные фашизмом. Надвигающийся свет новых времен нетерпим для них.

Мы, художники, должны особенно заклеймить эту сволочь. Мы — связанные духом с великими художниками прошлого. Мы — наследники благородных, влюбленных в народ людей.

Как смеет покушаться на завоевания нашего народа выгнанный из страны, бездомный, выпрашивающий пристанища у господ, ощерившийся Троцкий? Этот оскал Троцкого, эти полные злобы глазки обобщают всю ненависть к свободе и воле, к самостоятельности и горделивости народа. Троцкому снится поражение СССР в войне. Мародер! Для каждого ясно: нет возврата к прошлому. Какая бы ни была война, банды молодцов, как бы они ни были организованы, какими бы многозарядными ни были они маузерами, — все равно великая сила народа непобедима!

Люди, которых сейчас судят, вызывают омерзение. Особенно, когда думаешь о прекрасном народе Испании, который борется с фашизмом, об интернациональных бригадах. Особенно, когда думаешь о том, как ясен сейчас стал мир, когда говоришь себе: я принадлежу к прогрессивному человечеству. Особенно, когда вспоминаешь волнение, которое испытывал перед радиорупором, слушая слова великого, спокойного, исполненного чувства правоты вождя.

Страшен цинизм этих подсудимых. Они перекликаются именно с фашистскими деятелями, вводящими цинизм в нормы поведения и придерживающимися выдвинутой Гитлером формулы о том, что нужно обманывать массы для того, чтобы управлять ими.

Цинично они пролили кровь красноармейцев и рабочих, погибших от их диверсионных вылазок.

Позор и бесславие, бесславный конец ждет их.

Никто и ничто не помешает народу жить, побеждать, добиваться счастья! Все враги его будут уничтожены!

Д. АЛТАУЗЕН

Пощады нет

Где взять слова предельного накала,
Всю ненависть чтоб выразил мой стих?

Еще планета наша не рождала
Предателей и выродков таких.
Еще никто, от злобы пламенея,
Так лгать и притворяться не умел;
Еще земля не видела подлее,
Продажнее, чернее этих дел!
Они над нами крылья распростерли
Злодейств, измен, которым нет числа,

Но руки всей страны сошлись на горле
Испытанных убийц из-за угла.

Презренные вредители и гады,
Кровь Кирова не смыть с ладоней вам!

Идя вперед, сметая все преграды,
Прямой наводкой бьем мы по врагам.

Никакой пощады троцкистским выродкам, кровавым собакам фашизма!

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Презрение наемникам фашизма

Путешествуя по северу и югу, я побывал на многих заводах и фабриках. Я собственными глазами видел огромнейшие достижения в индустриализации нашей страны.

Растут новые города там, где была глухомань, соединяются каналами моря, изменяют свои русла реки, строятся мощные электростанции, взрываются поля тракторами, механизируется человеческий труд.

Какой небывалый размах в творчестве народов, занимающих одну шестую часть земного шара! Освобожденный труд изменяет географию своей страны. И нет в ней ни одного предприятия с иностранным капиталом, нет ни одной концессии. Мы обходимся своими собственными средствами.

Когда все это видишь, невольно приходит мысль, что только глупцы могут не верить в торжество социализма.

За последнее время советские народы, читая и обсуждая сталинскую Конституцию, переживают величайшую радость.

Но все это досталось нам страшной ценой. Сколько лучших людей погибло в тундрах, в царских тюрьмах, на виселицах! Грянула империалистическая война, взявшая миллионы человеческих жертв. Кончилась она революцией. Но борьба продолжалась. Восстали белогвардейцы, призвав в помощь себе интервентов всех мастей Чтобы очистить от них русскую землю, нужно было очень сильно увлажнить ее человеческой кровью, испытать разруху, голод и холод.

Теперь все это отошло в прошлое, стало историей.

Зарубцевались глубокие раны нашей родины, она снова налилась могучей силой и счастливо заулыбалась. Однако и до сих пор время от времени прекрасное лицо ее омрачается гневом.

Начался судебный процесс о «параллельном центре» троцкистов.

При чтении судебного отчета о нем получается впечатление, что вдыхаешь в себя смрад разложившегося трупа. Выясняется вся отвратительная мерзость их душ.

Диверсионные вылазки, шпионаж в пользу фашистов, грабеж народных денег на свои злодейские замыслы, вредительство на предприятиях, отравление рабочих газами, крушение поездов с воинскими эшелонами, продажность, организация покушений на народных вождей, измена родине — все это делали они, ставленники Троцкого, давно отвергнутого советским народом.

Нет такого преступления, на какое они не были бы способны. Им хочется, чтобы скорее началась война.

Пусть снова прольются потоки человеческой крови, пусть немецкие и японские империалисты, как хищники, рвут на части живое мясо нашей дорогой социалистической родины. Не жалко! Лишь бы им достигнуть власти и повернуть историю назад — к капитализму, к частной собственности, к закабалению народов. И все это делалось под маской друзей трудящихся и социализма.

Но контрреволюционеры промахнулись. Им пришлось предстать перед советским судом. Он будет к ним беспощаден.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

К стенке!

Вот они: хиловатые, лысые, в очках — ад'ютанты Троцкого, главари «параллельного центра». Вот он — Радек, по очереди, с девятисотых годов, покидавший и предававший рабочую Польшу, Германию, бродивший по Срединной Европе, безродный и вредный, и пойманный наконец в СССР

Он много писал. Его псевдоним в пору войны был: «Парабеллум».

Карл Либкнехт шел в солдаты, на всю Германию гремел его голос протеста против войны. Радек уходил в сторонку и в безопасности орудовал как собственник еженедельника «Arbeiter politik». Он заполнял его наполовину своими писаниями, наполовину писаниями Зиновьева и Бухарина.

Большевизм вел мужественную героическую борьбу против войны. Из подполья, каторги, ссылки и окопов энергия Ленина, Сталина, Фрунзе, Ворошилова, Барбюса и двадцати семи тысяч русских большевиков-окопников распространялась на весь мир, на все армии.

Радек тогда разводил мутную водицу в своем собственном журнале, а также в «Политикен», в «Штурм-Клокан» (Швеция). Он именовал себя главой «северных немецких радикалов». Он проповедывал отказ от вооруженного восстания и тем разоружал германский пролетариат и пролетариат Срединной Европы. Радек писал: «Не надо сочинять кровавые платформы»...

Радек вел злобную и подлую полемику против «Спартака». Либкнехт и Люксембург шли в тюрьмы, готовили бой, сидя в казематах. Значит, Радек бил пленников капитализма, бил товарищей, брошенных на каторгу.

Радек рьяно и хлестко писал против пролетарской диктатуры. Он презрительно третировал опыт России, ее 1905 и ее ленский 1912 годы... Радек выдавливал из себя лишь согласие на «демократический строй»... И это—спустя десятилетие после возникновения первого Совета рабочих депутатов, спустя десятилетие после бессмертных выступлений Ленина!

Мало того: Радек повторял упрямо и после революции, в 1919 г., в 1923 г., в изданиях 1925 г.: вопрос о диктатуре пролетариата вообще «окончательно решенным считать нельзя»...—Вот они корни буржуа, фашиста и террориста.

Радек брезгливо писал о разных «восточных племенах», о «Юго-Востоке Европы и Востоке вообще»... Вот где старые корни. Внимательнее, внимательнее читайте, товарищи, живую историю борьбы, людей. Различайте и запоминайте все, что было сделано, написано, сказано...

Таков был ранний буржуазный «радикал» Радек. Это он распинался в «Arbeiter politik» против принципов железной организации и дисциплины в рядах пролетариата.

Как называются люди, дезорганизующие отряды в канун штурма?

А вот чем стал Радек после 1917 г

Грянул Октябрь в России. Радек курсивом пишет, «предостерегает»: не копировать русскую революцию. Он подло врет, этот бродячий журналист-перемет, немецкому пролетариату: «Правительство Керенского даже не было свергнуто: оно само рухнуло»... Так писал этот провокатор о нашем Октябре. Извращая факты, он вновь стремился, изворотливый и норовящий стрельнуть в спину «Парабеллум»,— отвести руки рабочих от оружия.

Германский пролетариат шел своей дорогой. Мы помним его борьбу: матросов Киля, рабочих Гамбурга, берлинцев, «Народную Дивизию», красногвардейцев-спартаковцев. Мы своими глазами видели, как рвались немецкие товарищи солдаты с Украины к Либкнехту. Это мы оставляли оружие тем немецким эшелонам, которые спешили через Бахмач—Гомель—Вильно в Германию, в бой...

Бои грянули в Берлине. В разгар боев Радек прислал бойцам письмо: «... По моему мнению, необходимо прекратить борьбу..» Капитулянт, предатель, боявшийся вооруженных рабочих, писал об опасности «кровопускания», о слабости Советов, о том, что Берлин не будет поддержан провинцией..

Дезорганизатор добился многого... Он писал тогда же: «Вывести рабочих и солдат из битвы с оружием или **без оружия**, если невозможно постепенное отступление»... Это крик: назад, спасайтесь!

Результаты нам памятны. И эта трусливая, конспиративно или тоньше, чем Яго, работавшая тварь тут же лила слезы над могилой Либкнехта и Люксембург. Он вылез на свет, когда кончился бой и солдатчина Носке топтала свежие следы и бросала окурки в лужи крови, вытекшей из коммунистов.

Гремели бои 1919 г. в РСФСР. Радек выждал и их исход. Он появился после того, как было решено дело: и под Петроградом, и под Воронежем.

О своих делах он помалкивал. Он рассказывал зато Петросовету: «...Я с глубочайшим вниманием и интересом следил по столбцам английской печати за вашей борьбой и ежедневно дрожал за участь Красного Петрограда»... (Заседание Петроградского совета 11 февраля 1920 г.).

Петросовет молча слушал. Вспоминали: старым приятелем Радека Троцким был уже отдан 16 октября 1919 г. приказ, в котором предрешалась сдача Петрограда: «Наиболее выгодным было бы дать Юденичу ворваться в стены города...», и дальше шел набор фраз о «западне» и прочем.

Пролетариат сумел по-своему, по-ленински, отшвырнуть эти «советы»... Петроград держался за каждую пядь земли, как держался он и в весенних боях против армии генерала Родзянко. Этому учил весной прибывший от ЦК товарищ Сталин.

Радек врал и питерским героям о своем участии в «попытках рабочих выступлений в Европе»... Автор предательского письма!...

Он втирался и орудовал дальше, мастер гнусных анекдотов, от'явленный оборотень. В 1923 г. вновь грянули события в Германии... Красная Саксония и Тюрингия, красный Гамбург. Тельман вел в бой отряды рабочих. Мир, затаив дыхание, ждал исхода борьбы.

Радек появился на месте событий. От него ждали помощи, вестей из Советской России. Радек присоединился к правым, к предателям: Брандлеру и Тальгеймеру. Они вместе воткнули нож в спину германской революции.

Радек замел следы и сбежал оттуда, как убегал не раз из мест, где лилась рабочая кровь. Сбежал прямо к Троцкому, чтобы готовить втайне новое предательство, чтобы орудовать против СССР, против нашего народа. Его вышвырнули из партии.

Он пустил в ход двадцатилетний политиканский опыт, хитрость, клятвопреступление... Он выступал, давал присягу верности, сатирически изображал сам себя. Он выступал со своими статьями, памфлетами и портретами, пряча свою подпольную деятельность. Временами в нем прорывалась бешеная злоба — и он срывался — по второстепенным спорам, иногда литературным, в визге и скрежете.— Иные относили это к свойствам характера.

Радек втирался к писателям.

У нас есть разновидность литературных «гуманистов», которые определяют людей по «интимным беседам», болтовне в гостях, кулуарах и пр. Радек встречал их, выведывал, иных опутывал на ходу,— насмешливо и молчаливо прикидывая: когда и где он уничтожит и этих людей. Это были здоровые, честные советские люди...

Он «прикидывал»... В своих статьях он, где мог, орудовал старым способом: между строк тиснуть то, что может раздробить наши ряды, разобщить, сорвать работу, внести сомнения, путаницу, озлобить. Мы не забудем его речи на первом с'езде советских писателей. Радек построил ее подло, он выбросил из обзора весь коммунистический актив писателей Германии. Фридрих Вольф и я дали Радеку по зубам. Мы увидели, в чем дело... Но тут же Радек делал вольт и вновь говорил о «роковой роли фашизма» для западной литературы и пр. Вредитель маневрировал, все глубже уходил в подполье, связываясь с Берлином и составляя кровавые платформы.

Он писал книги памяти Либкнехта, памяти Ленина, обдумывал, как убить Кирова и написать книгу памяти Кирова. Потом он писал «Портреты вредителей», обдумывая, как спустить под откос эшелоны ОКДВА.

У Радека в его писаниях есть такое место: **в 1967 г.** он, как престарелый лектор, читает историю СССР.

Мы поймали тебя, старый шпион и диверсант. И твою компанию. Лекций твоих не будет. Лживые статьи кончены. Портреты твои кончены. Памфлеты тоже. И сообщники твои тоже.

Л. ЛЕОНОВ

Террарий

Один из тех бесчисленных героев, чьи фотографии изо дня в день помещаются на почетном месте в центральных органах нашей печати, раскроет сегодня газету с отчетом о судебном заседании.

Что должен испытывать он, отдавший всего себя социалистической стройке, пробегая столбцы с диалогами прокурора и этой засыпавшейся фашистской челяди? Конечно, чувство гнева, омерзения и, может быть, в первую минуту, простодушное удивление перед страшным обликом семнадцати этих уродов.

Но зато следующим его чувством будет ярость.

То, что многомиллионный народ, в стремлении к чистой и честной жизни, создавал по куску (народ помнит в лицо каждый кирпич великой стройки, и каждый завод наш — летопись каких замечательных дел!), эти люди рассчетливо губили и продавали чохом злейшему и недремлющему врагу.

Пятилетке социалистического под'ема они противопоставили свою пятилетку диверсий и предательства.

Ни история, владеющая неисчислимыми коллекциями самых разнообразных преступлений, ни литература специального назначения еще не имеют примеров низости в таком концентрированном виде.

Итак, страна наша снова стоит перед обширным и отвратительным террарием.

Что-то ползает, бесхвостое и вызывающее содроганье, во тьме этого гадкого пространства. Вот, одно из этих существ поворачивается к нам. Холодные, жестокие глаза с ненавистью смотрят из-за судебного барьера. Герою нашего времени, да уже и великому рядовому каменщику социализма, они чем-то уже знакомы.

Такими же глазами смотрит из-за рубежа на социалистическую стройку и тот замаскированный господин Многоточие, истинное имя которому — фашизм!

В. ИЛЬЕНКОВ

Под маской «литераторов»

Они устраивали взрывы и крушения с человеческими жертвами, они готовили смерть любимым вождям народа, они разжигали войну против СССР, они оптом и в розницу продавали в капиталистическое рабство нашу великую родину...

Троцкисты не просто убийцы, это— профессиональные убийцы, штатные фашистские палачи. История не знает преступлений более гнусных, более отвратительных, более чудовищных, чем преступления троцкистов. Они побили все рекорды подлости, вероломства, кровожадности и лицемерия.

Под маской «литераторов» они проникали и в наш литературный дом, чтобы использовать его в своих целях. Только потерей бдительности и обывательским благодушием можно об'яснить тот факт, что мы, «инженеры человеческих душ», не сумели вовремя разглядеть лицо врага под грубо сделанной маской «писателя» или «критика».

Это, в значительной мере, произошло и потому, что в оценке явлений на литературном фронте мы часто не выходили из узких рамок литературы. Замыкаясь в споры на литературные темы, увлекаясь и переоценивая «специфику» своего труда, забывали о том, что всякая «ошибка» имеет определенный политический эквивалент.

Роман или критическая статья были единственным мерилом в оценке писателя. Жизнь опрокинула этот наивный подход. Нужно судить о литераторе не только по тому, что он написал, но и по тому, что и как он делает в жизни, как он связан с народными массами, каков его моральный облик.

Ряд лет в литературе подвизались примазавшиеся к искусству троцкисты Мазнин, Макарьев и другие, бездарные, подлые двурушники, старавшиеся разложить литературную среду, взорвать ее изнутри, как их сподвижники взрывали шахты.

Враг народа Серебрякова сумела привлечь внимание многих к своему «роману», создать вокруг него шумиху, а под этот шум и рукоплескания легковерных людей творила свое гнусное дело.

На дискуссии о формализме, длившейся несколько дней, многие пришли в восторг от двусмысленного наигранно-косноязычного бормотания одного из поэтов и восхищались выступлением другого — прозаика, которое при внимательном анализе оказалось чуждым советскому искусству.

Как часто приходится слышать: «Это — политика, а мы — художники, наша сфера — эмоции»... Настоящие большие художники всегда связывали неразрывно свой писательский труд с непосредственным активным участием в передовой политической жизни страны. Биография Пушкина и Лермонтова, Горького и Серафимовича в этом отношении весьма поучительны.

Политическая борьба входила в их жизнь и творчество как важнейшее их содержание. Она определяла и круг друзей. Интересно вспомнить, что Горький, друживший с Л. Андреевым, немедленно рвет с ним, когда выясняется, что этот писатель душой и телом с буржуазией. Для Горького интересы революции были важнее, шире интересов чисто литературных.

Мы живем в стране, которая прокладывает человечеству единственно правильный путь к счастью.

Над нами, над нашим отечеством был занесен фашистский топор палачей-троцкистов. Враги народа стоят перед советским судом в дни, когда наша социалистическая родина под гениальным руководством великого Сталина с невиданной быстротой идет к вершине подлинного счастья. И во имя этого счастья, во имя скорейшего торжества социализма во всем мире, во имя нашей горячей любви к его родине — СССР и вождю народов товарищу Сталину мы требуем вместе с многомиллионным народом нашей страны:

— Смерть фашистским палачам-троцкистам!

М. ШАГИНЯН

Чудовищные ублюдки

Есть старый английский роман. В нем описан человек, ведущий двойную жизнь. Днем это обыкновенный уважаемый гражданин, ночью все его темное, порочное, гнусное, нечеловеческое отделяется, обособляется и выходит на охоту, выходит двуногим существом с видимостью человека, но это не человек.

Романист должен был показать читателю, что это уже **не** человек.

Каким приемом? Англичанин додумался: прохожие ночной улицы видят поспешно идущую фигуру, видят, как перед нею на тротуаре поскользнулся и упал ребенок, и видят, как эта фигура, с человечьим обликом быстрой походкой, не меняя пути и не задерживаясь, проходит **через** ребенка, наступив на него ногой. Ничего нечеловечней этого романист представить себе не мог.

Когда читаешь страшный документ, где люди, именовавшие себя социалистами, клявшиеся словами «рабочий», «трудящийся», «народная масса», с последним бесстыдством признаются, что им **наплевать на народ**, — как будто видишь жуткую фигуру нежити, ступившей ногой на живое тело.

В английском романе чопорные лондонцы хотели растерзать нечеловеческую фигуру.

Мы, жители советской страны, уничтожаем чудовищных ублюдков, пытавшихся наступить ногами на тело многомиллионного разбуженного, растущего к счастью и знанию великого советского народа!

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Эти люди не имеют права на жизнь

Впервые за всю свою историю многочисленные народы бывшей России нашли свою родину в СССР. Десятки миллионов бывших рабов и нищих нашли свободную, зажиточную, просторную, культурную, радостную жизнь при социализме. Десятки миллионов бывших безграмотных теперь читают газеты и книги, выступают с дельными речами, как подлинные хозяева Страны Советов. Отсталая царская Россия стала передовой страной социализма... И все это в баснословно короткий срок, и все это можно бы было счесть сказкой, если бы это не было ослепительно ярким фактом.

Но откуда же могла взяться бредовая идея реставрации капитализма в такой стране? Идея эта — чужая, идея эта — заведомо бесчеловечная, идея эта основана на полном незнании советской жизни...

Что сказать о Троцком, творце этой «идеи»?... Герострат сжег храм Дианы в Эфесе, чтобы прославиться; Гитлер сжег рейхстаг в Берлине, чтобы утвердить фашизм; Троцкий замышляет мировой пожар, чтобы стать у власти в Советском Союзе.

Мир должен обезопасить себя от поджигателя, а не отворять перед ним гостеприимно двери, как это только что сделала Мексика.

Троцкого нет, к сожалению, на скамье подсудимых Военной Коллегии Верховного Суда СССР; есть только его агенты; но их показания исключительно ужасны.

Где предел человеческой мерзости и подлости? Писатель всегда бывает обескуражен, когда действительность оказывается гораздо цветистее его фантазии, но фантазии этого порядка обычно минуют голову писателя.

Замыслить превратить Советский Союз во вторую Испанию, сплошь окровавленную и раздираемую на части интервентами-фашистами; распродать родину за призрак власти в ее остатках; уничтожить любимых всем Союзом вождей; развалить в угоду интервентам промышленность и транспорт; убивать рабочих на производстве... и даже начать уже попытки привести в исполнение все эти гнусные планы.

Страшно читать гладкие и отвратительно циничные показания Пятакова и других.

Все сильные слова тут совершенно излишни. Спокойный за свое будущее, как и вся могучая Страна Советов, писатель может только сказать: «Эти люди не имеют права на жизнь».

Г. ШТОРМ

Они готовили кабалу для народа

Кто эти люди, которые динамитом разрывали в клочья наших рабочих, опускали под откосы поезда с красноармейцами и припасали нам чуму, холеру и тиф в пробирках из японского стекла?

Кто они, мечтавшие погнать вспять историю, повернуть колхозную деревню назад к малоземелью, чересполосице и сохе и, распродав по кускам нашу славную, великую, богатую родину, сделать ее убогой колониальной страной?

Это — люди, лишенные всякого чувства национальной гордости, люди без родины, не имевшие ее никогда.

Этого чувства вовсе лишен отряд матерых контрразведчиков и террористов, сидящих сейчас на скамье подсудимых. Эти отщепенцы народа, никогда не имевшие с ним никакой связи, не знали, не могли и не хотели знать, что такое народ.

С ледяным спокойствием готовили они кабалу и смерть миллионам своих соотечественников и ткали свою черную паутину, предвкушая момент, когда скажутся результаты их подрывной работы — грянет война, и — полагали они — зашатается Советский Союз.

Наши враги, мечтающие о захвате советских территорий, вопят о необходимости «спасти» от коммунизма «бедный русский народ».

Этим мечтателям стоит напомнить, что они, применяя те же методы шпионажа, пытались захватывать русские земли (и были каждый раз биты) еще в давно прошедшие времена.

Авантюрист и шпион, немец Штаден в семидесятых годах XVI в., сидя в Вогезах, составил план обращения Московии в провинцию имперскую и даже вычислил, сколько для этого понадобится денег, судов и людей.

В 1598 г. польский епископ Иосиф Верещинский написал книгу под названием «Верная дорога к более быстрому и легкому заселению пустынь в русских областях Польского королевства». Это был откровенный план колонизации захваченных Польшей русских земель.

«Русская земля, — писал Верещинский, — это житница других стран... Поля там превосходные... скота, зверей, птицы множество... Немалое число рыбных рек.... Украина — это как бы обетованная земля... Украина имеет свойство магнита—она каждого притягивает к себе...».

Украина — страна обетованная, притягивающая каждого как бы магнитом. Она может быть колонией для других стран, отличным источником сырья. Не об этом ли мечтают сейчас и посягающие на Украину фашисты, стремящиеся закабалить украинских крестьян?

В 1612 г. мощный под'ем национального чувства заставил русский народ об'единиться для очищения Москвы от засевших в ней интервентов и выдвинул лозунг, который, если передать его словами песни, звучит так:

Пойдем-ка мы сражатися
За матушку, за родну землю,
За родну землю, за славный город
Москву.

Спустя двести лет, в 1812 г., такой же под'ем национального чувства позволил армии Александра I оказать упорное сопротивление французам, ибо вторжение Наполеона угрожало жизни нации. Русские крепостные мужики под начальством своих классовых врагов, крепостников-офицеров геройски дрались и умирали на Бородинском поле и в конце концов выгнали врага из пределов страны.

Но если русский народ находил в себе силы, чтобы отражать врагов в пору крепостного права, когда большая часть населения не имела земли и ненавидела меньшую — господ, а вся страна была огромной тюрьмой народов, натравливаемых царизмом друг на друга, если эта Россия, отсталая, нищая, не имевшая ни промышленности, ни специалистов, била своих врагов, то советский братский Союз народов — **непобедим**.

Этого пока еще не поняли в своем ослеплении фашисты и их агентура, засевшая в виде об'единенных и параллельных «центров» в щелях нашей страны.

Агенты фашизма постигли в совершенстве искусство политической маскировки.

Перед началом процесса об'единенного троцкистско-зиновьевского террористического центра Радек и Пятаков разразились в печати громовыми, клеймящими предателей статьями.

Это — урок: будем же судить о людях не по словам, а по делам их.

И. БАБЕЛЬ

Ложь, предательство, смердяковщина

Скоро двадцать лет, как Союз Советов, страну справедливого и созидающего труда, ведет гений Ленина и Сталина, гений, олицетворяющий ясность, простоту, беспредельное мужество и трудолюбие.

Работа коммунистической партии и ее руководства — единственный в современном мире залог того, что лучшая мечта человечества осуществится, что свободное и счастливое общежитие людей будет создано.

Этой работе люди, сидящие на скамье подсудимых, противопоставляют свою «программу».

Мы узнаем из этой «программы», что надо убивать рабочих, топить в шахтах, рвать на части при крушениях.

Мы узнаем из этой «программы», что они хотели продать первое в мире рабочее государство фашизму, военщине, банкирам, самым отвратительным и несправедливым проявлениям материальной силы на земле.

Мы узнаем, что конечные цели этой «программы» достигаются ложью, предательством, смердяковщиной.

Мы узнаем, что клятвы и красноречие нужны только как инструменты предательства и в самом существе своем нечеловечески извращены.

Такой «программы» мы не хотим.

В борьбе с ней миллионы советских людей готовы отдать свою жизнь.

Язык судебного отчета неопровержим и точен.

Как никогда очевидна теперь безмерная правота нашего правительства. И преданность наша ему обоснована и безгранична.

М. КОЗАКОВ

Шакалы

Русский Шейлок — белоэмигрант Рябушинский — десяток лет назад рекламировал среди иностранной буржуазии «будущие» доходы от «возрождения» России.

«Нет в мире предприятия, — строчил он в грязной газетенке «Возрождение», — которое было бы хозяйственно более оправдываемым, более рентабельным, чем освобождение России. Затратив один миллион рублей, человечество получит доход не менее, чем в 5 миллиардов, т. е. 500 проц. годовых и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200 проц. Где найти дело лучше?».

Это меркантильное зазывание русского «патриота» не требует пояснений. Здесь — все ясно.

Кровавое «торговое дело» русского негодяя Рябушинского рекламировал в свою очередь один, ныне покойный, известный европейский маршал. С прямолинейностью солдафона, достаточно сведущего, однако, в последних военно-технических средствах уничтожения народных масс, сей генерал рисовал не без удовольствия картину будущей войны с Советским Союзом, т. е. «возрождение» России господ Рябушинских. Эти краски на генеральской палитре ненависти заслуживают рассмотрения: «Ядовитые бомбы, — смакует наш «художник», — распространяют смертельно действующие газы. Они проникают через каждую защитную маску и ведут к смерти через несколько минут. Неподдающиеся тушению фосфорные бомбы сжигают мясо до костей. Сотни танков, из которых каждый выплевывает тысячи смертоносных выстрелов в минуту. Пулеметы, выбрасывающие сотни миллионов пуль в минуту. И над всем этим — небо, затемненное тысячами самолетов, из которых изливаются на землю потоки смерти. За линиями фронта падают в развалинах города и деревни под разрушительным огнем дальнобойной артиллерии».

Сколько раз повторяются, — глядите, прислушайтесь! — эти слова «смерть», «смертоносный»!. Вот как мечтали и мечтают начать «возрождение» России международные Шейлоки и Кавеньяки..

И если бы это могло случиться, смерть, как черный верблюд, говоря словами старинной восточной поговорки, преклонила бы свои колени перед каждой дверью нашего мирного советского очага, чтобы принять на себя траурную кладь человеческого горя, несчастий, страданий.

Испания!.. Прекрасная, героическая Испания! На твоей, залитой кровью земле мир увидел теперь злодеяния того самого «возрождения», которого жаждет мировой фашизм и для великой Страны Советов.

Война... Грозовой свинцовой тучей все ниже и ниже спускается она над полями Запада и Востока, — она упала, громыхая, дождем крови на Пиренеях, черный ветер фашизма гонит ее к рубежам необ'ятной, цветущей Страны социализма. Мы готовы к обороне. Мы готовы ответить ударом на удар и знаем, где и когда принесет нам победу наша Красная армия.

Но вот, «набожные» церковники из польских фашистов (есть, к примеру, такой ксендз Мешкиз-Узерский в стране полковника Бека) творят молитву, новую молитву о «даровании победы» фашистскому воинству: «О, господи! — взывают они о 500 проц. годовых, — дай нашим рукам силу, превосходство пушкам, невидимость нашим аэропланам, текучесть и вездесущность газам. Именем любви, которой ты нас любишь, да падет враг, как трава, скошенная твоей милостью. Да падут вражеские пули и стрелы в траву, как ягнята, а наши, как тигры, вырвут вражеское сердце с кровью, и пусть ослепнут наши враги. Сделай нас невидимыми на веки вечные. Аминь!».

Знойное дыхание войны. Холод смерти... Вот уж скоро двадцать лет, как зловонный мир хищников, узурпаторов и современных каннибалов не оставляет надежды кровью, железом и ядом военной науки растерзать и умертвить нашу Родину — свободную, победоносную и несокрушимую страну труда, творчества и радости. Загребущие и окровавленные руки Шейлоков и Кавеньяков тянутся к горлу страны, поющей громко, на весь мир о новом счастьи всего человечества.

Мы — сама Жизнь, мы — цветение земли. А там?

«Смерть (опять смерть!) стоит перед нами на вытяжку, послушная, полная ожидания, готовая нести нашим ролам массовое уничтожение. Она готова разрушить остатки цивилизации, без надежды на восстановление. Она ждет только приказа». Это было сказано в свое время достаточно известным лордом Черчилем, и на сей раз у нас нет оснований ему не верить.

У нас была война — классовая гражданская война во имя торжества социальной революции, победы миллионов и миллионов трудящихся, во имя их права творить свободную жизнь народа, творить великое общество социализма. У нас были **открытые** враги — и они были стерты с лица советской земли: это были мертвецы Истории, которых повелительно необходимо было убрать с зеленеющих полей новой человеческой жизни. Образ этих мертвецов находил для себя известные аналогии в летописях прошлого, в летописях революций, контрреволюций и гражданских войн, формировавших политическую жизнь Европы и России.

У нас были и есть открытые враги: они гнусны, хитры и неистовы.

Но история человечества и всех государств не знает аналогий, на которые можно было бы сослаться, хотя бы приблизительно, говоря о мере предательства, коварства, лицемерия и подлости таких растленных негодяев, как шакал Троцкий, Зиновьев, Каменев, а теперь еще — Пятаков, Радек и их приспешники! Их имена отныне — синоним наистрашнейшего преступления, какое только могло знать в своей жизни человечество.

Пятакова, Радека, Сокольникова и других этих Иуд и Смердяковых в сотой степени подлости — ждет суровый, безжалостный приговор советского суда. Пусть он свершится во имя спокойствия, счастья и могущества нашего народа!

Сегодня я слышу вокруг себя одно суровое, сердцем и разумом сказанное слово, и я сам произношу его — зову к нему других: **расстрелять!**

Это они — Пятаковы и Радеки, Сокольниковы и Серебряковы — вместе с польским фашистским ксендзом творили молитву фашистскому оружию, чтобы оно, «как тигр», вырвало с кровью наше сердце и ослепило глаза нашего народа.

Это они — презренные, пресмыкающиеся холопы фашизма — взывали к черно-коричневому Гестапо, дабы оно сделало их «невидимыми» для зоркого глаза наших верных и героических часовых социализма.

Это они — Пятаковы и Радеки, черные парашютисты фашизма — спускали на советскую землю из облаков повисшей над нами войны яд и бактерии измены, предательства, диверсии и вредительства — гнуснейшие директивы шакала Троцкого и его друга и союзника «зам» фюрера» Гесса.

Это они видели в грязных своих мечтах, сквозь японо-немецкие стекла своих роговых очков, ненавистное им советское небо, затемненное тысячами самолетов, из которых изливаются на землю социализма потоки смерти.

Это они — бесчестные торгаши совестью и национальным достоинством —продавали нашу родину за призрачную тень будущей «власти», продавали из-под полы, обещая такие барыши фашизму, о которых не подумал и сам Рябушинский.

Это перед ними — террористическими сверх-Азефами — стояла смерть на вытяжку — послушная, полная затаенного фашистского ожидания, готовая пронзить сердце величайшего вождя и любимого народом друга — **Сталина** и грудь лучших людей социализма.

Не будет этого, никогда не будет!

Наша могучая, несокрушимая родина превратит в тлен и прах каждого, кто посягнет на ее целостность и независимость, на ее свободу, победу и счастье. Наш народ предаст гильотине возмездия всякого врага, кто помышляет покуситься на Сталина и Советское Правительство, на мозг, волю и великое сердце его — народа — счастливой судьбы!

Когда-то, давно, у Пятакова, Радека, Сокольникова и других двуногих хищников были свои человеческие имена: Юрий, Карл, Григорий. Теперь — Шакал Пятаков, Шакал Радек, Шакал Сокольников — по имени родоначальника своего, отвратительного матерого зверя контрреволюции Шакала Троцкого, рыщущего и воющего в густых лесах гитлеровского фашизма.

Пусть содрогнутся враги, увидя разоблаченными своих фашистских наймитов, и возрадуются вновь наши братья и друзья за рубежом, узнав об уничтожении омерзительных врагов Советского Союза.

Я, советский писатель, требую этого от своего советского суда!

Ленинград.

Ненависть и презрение изменникам родины, врагам социалистической культуры, врагам советского народа!

Г. ЛАХУТИ

РОДИНЕ

Покуда солнце над землей сияет,
Пусть вешней розой жизнь твоя цветет!
Кто б ни был он, твой недруг исступленный,
Позора бремя на него падет.

Где та рука под нашим небом чистым
Что на тебя подняться посягнет?
Но если сыщется рука такая,
Ее отрубит от плеча народ.

И полный яда, под ударом нашим,
Предательский навек сомкнется рот.
И вору всенародное презренье
Арканом тесным горло обовьет.

И голову, где замыслы гнездятся
Змеиные, рабочий гнев снесет.
И вражье имя черное из списка
Твоих сынов рука твоя сотрет.

Ты, словно светоч, землю озаряешь,
Кто светоч мира погасить дерзнет?

Одна лишь мысль о том сердца людские
И холодом и мраком обоймет.

До Африки, до Крита и Китая
О злобе этой черной слух дойдет.
Земли опора ты, землетрясенье
От вести этой землю сотрясет.

Злодей надеждой тешился, что скоро
В пределы наши хищный враг войдет.
Полночный филин звал в наш сад весенний
Стервятников и сов проклятый род.

Но край, где правят мудрость и отвага,
От злых когтей себя убережет.
Пусть гибнет враг, а ты живи и славься,
Великий человечества оплот!

Падет твой враг, нет слов, но сердце грезит,
Что он от моего меча падет.

Перевод с фарси БАНУ.

А. ПЛАТОНОВ

Преодоление злодейства

Чтобы изменить рабочему классу, надо быть подлецом. Поэтому для всякого изменника существует роковая, необратимая судьба. Перефразируя известную мысль, можно сказать — социализм и злодейство — две вещи несовместимые...

Самым жестоким видом злодейства сейчас является троцкизм.

Этот фильтрующийся вирус фашизма пытался проникнуть до самого сердца советского народа, чтобы одним ударом умертвить его нацело.

Конечно, это не удастся никогда и никому. Фашизм неспособен понять, кого он имеет против себя. Фашизм способен лишь производить все более зловещих, все более «усовершенствованных» уродов, т. е. таких людей, которые еще никогда не существовали на земле и которые существовать не могут.

Разве в «душе» Радека, Пятакова или прочих преступников есть какое-либо органическое, теплотворное начало, — разве они могут называться людьми хотя бы в элементарном смысле?

Нет, это уже нечто неорганическое, хотя и смертельно-ядовитое, как трупный яд из чудовища. Как они выносят самих себя? Один, правда, не вынес, — Томский. Уничтожение этих особых злодеев является естественным, жизненным делом.

Жизнь рабочего человека в Советском Союзе священна, и кто ее умерщвляет, тому больше не придется дышать.

Нигде нет большего ощущения связи и родства людей между собою, как у нас. Больше того, у нас, у нескольких советских поколений, есть общий отец — в глубоком, в проникновенном и принципиальном смысле. Мы идем вслед за ним.

С ним мы выросли и стали тем, чем мы есть, и будем теми, кем мы хотим быть, — творческим, воодушевленным, счастливым народом. Это чувство принадлежит к основным чувствам нашей жизни. Оно исчезнет лишь вместе с нашим сердцем.

Неужели же можно было рассчитывать, что удастся погубить это великое, новое родство людей, которое называется Советским Союзом? Очевидно, рассчитывали, что — удастся. Только размышляла не голова человека, а отросток фильтрующегося вируса.

Могли ли мы, литераторы, в наших книгах предугадать появление или просто разглядеть столь «запакованных» злодеев, как троцкисты? Да, могли, потому что уже довольно давно И. В. Сталин определил их, как передовой отряд контрреволюционной буржуазии А передовой отряд контрреволюции пойдет, и пошел, на любое преступление против рабочего класса. Потому он и передовой отряд.

И чем преступление будет более беспримерным, тем для контрреволюции лучше.

В частности, советская литература не выполнила своего долга в этом отношении. «Душа Радека»—в сводном, «типическом», так сказать, виде — поддается изображению. Ведь нет уверенности, что мы никогда в будущем не встретимся с еще более уродливыми фашистскими чудовищами, хотя и трудно представить более безобразные существа, чем эти подсудимые.

Но враг не сдастся, он будет заострять свое оружие против нас.

Поэтому надо попытаться осветить точным светом искусства самую «середину тьмы», — тогда мы будем иметь еще один способ предвидения наиболее опасных врагов, а оружие для встречи их у нас имеется.

Для этой работы необходимо обладать очень сильным собственным светом в своем источнике, чтобы проникнуть до самого «адова дна» фашистской «души», где «таятся во мгле» ее будущие дела и намерения.

Короче говоря, нам нужна большая антифашистская литература, как оборонное вооружение.

Это — одно из важных решений, которое следует принять теперь же с тем, чтобы практически и быстро его осуществить.

В. ЛУГОВСКОЙ

ГОРЕ ФАШИСТАМ И ИХ ПРИКАЗЧИКАМ!

Наш народ кровью лучших своих сыновей оросил два материка, следуя за той, чье имя бессмертно во веки веков —

Великая Пролетарская Революция!

—следуя за Лениным и Сталиным, которые своими благородными, мужественными руками подняли и пронесли знамя Октябрьской революции, и, когда умер один, на его место встал другой.

Наш народ вытерпел нечеловеческие муки ради того, чтобы победить, не сдать завоеванных позиций, довести страну до социализма.

Он закалялся, рос, поднимался над миром—прямой, смелый, гордый своими победами, раздвигавший горы на своем пути, умный, исполинский народ.

Ни одной пяди... вслед за Сталиным повторяем мы, стиснув зубы, — ни одной пяди своей земли не отдадим никому.

И вот мы все судим тварей, которые предали и продали все самое дорогое, самое святое, что есть у советского человека: родину, революцию, партию, народ, землю нашу, политую кровью героев и мучеников революции.

Цинично продавали они наши реки, моря, руды, горные хребты и пашни.

Двурушничали, троеручничали, подличая и пресмыкаясь, переполняя предельную меру подлости, которая только может быть у подонков человеческого рода.

Молитвенно протягивали руки навстречу Его Величеству Капитализму и Гитлеру—пророку его.

Кровавые собаки реставрации—они ползли на брюхе вслед за своим поводырем—Троцким—торговцем человеческой кровью и честью, не имеющим родины, злобным выродком, проституткой фашизма.

Товарищи! Эти люди торговали нами, нашими семьями, землею, на которой мы стоим.

Господин Пятаков, господин Радек, господин Сокольников!

Вы оставите после себя в веках звание Иуды Искариота.

Ибо вы продавали не только нас и родину свою. Вы продавали человечество и Великую социалистическую революцию в России — символ человеческого счастья.

Но революция не умирает — наша родная революция—революция Пресни, Смольного, Царицына, Урала, Перекопа, сталинских пятилеток, сталинской Конституции,

сталеваров, комбайнеров, трактористов, снайперов, летчиков, танкистов, стахановцев, героев труда и героев Советского Союза.

Товарищи во всех странах! Вы можете разглядеть троцкистскую сволочь—такой как она есть — голую, продажную, дрожащую от самых низких политических инстинктов

Вы скажете вместе с нами: прочь руки, фашистская и троцкистская сволочь!

Миллиарды людей будут жить и бороться на путях к всечеловеческому счастью, а предателей мы уберем из жизни

Поклянемся стоять на страже родины!

Гигантские силы кипят в нашем народе Горе империалистам и приказчикам их! Мы раздавим хозяев фашизма, как раздавили фашистских лакеев.

М. ИЛЬИН, С. МАРШАК

Путь в Гестапо

У каждой эпохи есть свои предатели.

Самым большим предателем первой французской революции был Фуше—человек, который на протяжении четверти столетия ухитрился совершить не одно, а, по крайней мере, дюжину предательств. Вся его карьера — это цепь измен: королю, конвенту, директории, императору, снова королю и снова императору.

Будучи министром Франции, он вел тайные переговоры с ее злейшей противницей—Англией. Ему ничего не стоило предать и отдельного человека и целую страну. Это был предатель по профессии, мастер шпионажа, виртуоз измены.

Первая русская революция тоже знала предателя из предателей—Азефа.

Но Азеф и Фуше — невиннейшие создания по сравнению с чемпионами измены, которых судит сейчас советский суд.

Предать товарища—низость. Предать родину—еще большая низость.

Но что можно сказать о людях, которые пытались предать не только товарищей, не только родину, но и все человечество?

Историю человечества часто сравнивают с великой драмой. Это такая драма, которую никому не удастся посмотреть от первого акта до последнего.

Каждый из нас принимает участие только в одном ее явлении. На языке драматургии его можно было бы озаглавить: «Те же и новое поколение».

И вот—на наше счастье—то явление, в котором участвуем мы, оказывается самым волнующим, самым напряженным, решающим явлением драмы.

Один год, одна пятилетка решают сейчас судьбу человечества.

Победит социализм во всем мире,— а он должен победить,— и перед человечеством откроется дорога к величайшей свободе, к вдохновенному творчеству.

Победит фашизм—и все будет потеряно на долгие времена. Разрушена будет культура, которую с таким упорством создавали предшествующие поколения. Костры из книг горели в наши дни на площадях Берлина,—они загорятся на всех площадях мира.

Поджог рейхстага покажется детской игрой по сравнению с тем пожаром, в котором сгорят последние клочки демократических хартий. Будут обречены на гибель миллионы людей. Ведь фашизм—это война, война без конца и предела.

И вот сейчас — в решающий миг борьбы—на наши передовые позиции, в командные рубки пробрались предатели. Они хотели убить рулевых и стать вместо них у штурвала, чтобы повести страну, а вместе с ней и все человечество, к такой катастрофе, какой не было никогда на земле.

Они не гнушались никакими средствами, никакими приемами.

Вести тайные переговоры с фашистами—и писать статьи против фашистов. Убить Кирова—и оплакивать его смерть на другой день после предательского выстрела. Клясться в верности сталинскому делу — и готовить покушения на Сталина одно за другим. Говорить о строительстве социализма — и составлять тайные планы реставрации капиталистического строя. Произносить речи о любви к рабочему классу—и взрывать шахты вместе с шахтерами. Подымать бокал за Красную армию—и пускать под откос эшелоны. Участвовать в дипломатических приемах, а потом перешептываться с представителями иностранного государства о «совместных действиях», направленных против Советского Союза...

Страшно становится, когда смотришь в эту бездонную пропасть лицемерия и лжи, куда может скатиться человек.

Троцкий и его сторонники пошли против Сталина, чтобы завоевать власть. Но пойти против Сталина значило пойти против коллективизации, против пятилеток, против социализма. Это значило примкнуть к лагерю врагов социализма и Советского Союза—к фашистам. Одно предательство следовало за другим, ведя Троцкого и его сообщников к Гессу, Гиммеру, к цитадели фашизма — Гестапо.

Человек чудовищного себялюбия и честолюбия, Троцкий мечтал стать величайшим из вождей. Вместо этого он стал величайшим из предателей. Он хотел завоевать бессмертие и завоевал его. Память о нем и его приспешниках не исчезнет. История помнит не только героев, но и предателей.

И пусть не обманывает себя Троцкий и те, кто исполнял его приказания. Ничто не спасет их от вечного позора.

В. ШКЛОВСКИЙ

Эпилог

Честность неделима, как мир.

Она одна.

Теряя ее, люди теряют все.

Преступления троцкистов не имеют себе подобных в истории.

Эти люди — кристаллы подлости.

К тому, что они о себе говорят, прибавить о них нечего.

Укоры и все созданные человечеством слова и сравнения здесь не прибавят, а убавят.

Продается родина на две стороны и большими кусками.

По дороге берут комиссионные с фирм на организационные расходы.

Продается заодно помощь нефтью Японии при ее нападении на Америку.

В задаток фашистам вносится кровь железнодорожных крушений.

Продается врагам воздух, которым дышат наши люди в шахтах.

Все продано. Все сравнено изменой.

Что же сейчас волнует этих изменников, кроме страха?

Они считаются между собой, как и на прошлом процессе, чинами.

Они не решили еще, кто из них старше — Пятаков, Радек или Серебряков?

Эти люди хотели отнять от нас больше чем жизнь: они хотели отнять у мира будущее, уже рожденное.

На них самих, на их последнем споре о старшинстве, мы изучаем кристаллографию подлости прошлого.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Наш вердикт

Меч справедливого суда
Моя республика под'яла!
Опять
троцкистская орда
Перед лицом суда предстала —

И это гнусных змей клубок.
Трусы, шпионы и бандиты,
Что грязью с головы до ног
И кровью жертв своих покрыты.

Они свершали, озверев,
Чудовищные преступленья!
И в нас кипит священный гнев,
И нет предела омерзенью.

Стеной штыков окружены
Троцкисты,
пойманные гады.
Их уничтожит без пощады
Суровый приговор страны.

Наш гнев ужасен—и прекрасен.
Мы свой вердикт произнесли
И тот вердикт единогласен:
— Стереть их всех с лица земли!

Л. СЛАВИН

Выродки

Ни в кровавой истории политических заговоров, ни в отвратительных летописях шпионских хитросплетений, ни даже в мрачных и грязных уголовных хрониках мы не найдем такого ужасающего скопления подлости, лжи, изуверства и полной потери человеческого облика, как в компании семнадцати троцкистско-фашистских убийц, представших сейчас перед судом народа.

Кровавый пошляк Радек, изолгавшийся тупица Серебряков, озверевший мещанин Сокольников, циничный предатель Пятаков! А над всеми ними — подлейший карьерист Иудушка Троцкий!

И эти выродки хотели покорить самый свободный и могучий в мире народ!

Что могут они сказать народу?

— Вернись обратно — в нищету и мерзость капитализма!

— Посади снова себе на шею кулака, банкира и фабриканта!

— Уйди из своих домов, школ, музеев, и пусть там начнут торговать немецкие лавочники!

— Раздай свои земли германским и японским хищникам!

— Отдай им в придачу свой хлеб, скот, золото, нефть и руды!

— И в награду за все это тебой будут править самые изобретательные убийцы, самые выдающиеся предатели, самые тонкие изменники во всей мировой истории!

Нет, с такой «программой» к народу не подойдешь, такая «программа» могла иметь и имела шумный успех только у господина Гесса, и троцкисты ее глубоко прятали и спрятали бы, даже захваченные с поличным, если бы не были приперты к стене неопровержимыми фактами и документами.

Разумеется, германский и японский империализм не стал бы ждать советов мирового неудачника Троцкого,— он сам бы в любой момент напал на СССР, если бы он не понимал, что эта схватка грозит ему роковым для него поражением.

И, сговорившись, фашисты и троцкисты пытались подрывать нашу военную мощь изнутри. Наш мирный народ, упорным трудом и кровью лучших сынов добившийся процветания, подвергался подлым нападениям из-за угла: взрывы, убийства, поджоги, вредительство, крушения были методом троцкистских подлецов

А виновники всего этого с невинным видом ходили среди нас и лживым хором восхваляли советский строй. Поистине мразь из мразей скопилась в компании троцкистских убийц!

Сейчас, когда смотришь на них, к чувству гнева, к жажде мщения присоединяется гадливость к людям, потерявшим человеческий облик, ставшим злобными, жестокими и бешеными зверями.

Взбесившихся волков не лечат.

Их уничтожают

А. КАРАВАЕВА

Изменники родины, шпионы, диверсанты и лакеи фашизма

Миллионы советских людей прочли обвинительное заключение по делу троцкистского «параллельного центра» Вся страна кипит возмущением, гневом, священной ненавистью и презрением к кучке подлых убийц и закоренелых бандитов, которые сидят на скамье подсудимых Сердца человеческие содрогаются от ужаса и негодования, руки сжимаются в кулаки уста произносят проклятия злейшим врагам советского народа и трудящихся всего мира Недавно народы Советского Союза на VIII Чрезвычайном с'езде советов приняли великую сталинскую Конституцию. Каждый гражданин нашей родины с гордостью думал о том, что жизнь его самого, детей его и всех окружающих управляется законами, справедливее и благороднее которых не знала человеческая история

Гордясь своими победами и ликуя, изучали советские люди Великую Конституцию победившего социализма, а враги народа, фашистские ублюдки тем временем вершили свои черные дела, от которых кровь холодеет в жилах.

О каких только негодяях не вспоминали люди, читая потрясающие по своему цинизму и наглости показания преступников на обоих процессах — на августовском и теперешнем — «параллельного центра»: об «отце-инквизиторе» Торквемаде, о патроне всех иезуитов и инквизиторов Игнатии Лойоле, о «кровавой собаке» Носке, о последнем русском царе Николае «кровавом», о палаче парижских коммунаров Тьере... Только к фашистским палачам, которые истязают великий германский народ и бомбят многострадальные испанские города,— только к ним могут быть приравнены преступления этих семнадцати злодеев! Троцкистская банда «перекрыла» даже фашистов. Генерал Франко не успел еще наобещать своим сообщникам столько, сколько наобещали фашистским разведкам эти троцкистские ублюдки

Чтобы путем войны, крови и насилия дорваться до власти над советским народом, они обещали отдать на разграбление чужеземным штыкам целые республики Советского Союза с миллионами населения. Вы не найдете таких примеров в истории! Эти трижды презренные изменники обещали отдать германскому фашизму Украину, Японии — Приморье и Приамурье!... Весь мир видит, как расцвели за эти почти два десятка лет наши братские республики, какие пашни, сады и города выросли на нищих когда-то пространствах бывшей царской России. В какой могучий край обратился наш Дальний Восток, какие богатства индустриальные и культурные накопили миллионы хозяев — строителей социализма — для жизни счастливой и полной. И вот на все это осмелились поднять свои грязные лапы фашистские агенты и лакеи Иуды-Троцкого, чтобы реставрировать капитализм. Дико вообразить все это советскому человеку, это все так же дико и непредставимо, как изменение системы мироздания... Что? Величественные массивы наших колхозных полей отдать помещику и кулаку? Наши заводы-гиганты, красавцев, нашу гордость отдать в руки буржуазии и напустить на них жадные орды германо-японских обирал и жуликов?!.. Да разве допустит это советский народ? Что? Эта оголтелая в своей звериной ненависти банда не знала силы величайшего в мире союза народов, силы его любви к своей партии, к гениальному отцу и вождю и учителю товарищу Сталину?... О, эти выродки все знали, все видели. Как законченные бандиты и убийцы, они хотели действовать кровавым насилием, открыть ворота войне, фашизму, обратить Советский Союз в колонию, приготовить ему участь Китая. Они лгали, двурушничали, клялись в верности, а сами, как покорные псы, выполняли «задания» бешеного волка германского и японского фашизма Иуды-Троцкого. Их «программа» и омерзительная страшная практика неопровержимо показывают, что они обратились в подручных Гитлера на советской земле, на которой они когда-то родились Все они подобно изменнику родины бандиту Пятакову, который воспользовался фашистским паспортом и самолетом для поездки в Осло к Троцкому,— все они, эти растленные бандиты по сути дела носили не советские, а фашистские паспорта в своих карманах С неслыханным цинизмом они признаются, что вредительства и взрывы на химических заводах, крушения на железных дорогах организованы были по заданиям японо-германских разведок. Показания Пятакова, Сокольникова, Серебрякова, Радека и других — это же развернутое гнойно-кровавое нутро троцкизма,— вот каково оно в натуре это страшное гнездо ядовитых змей... пресмыкающихся у подошвы фашистского сапога. Поистине нет меры и края их преступлениям: террористические покушения на наших вождей, измена родине, распродажа советской земли, диверсии, шпионаж... Кровь честных, преданных родине сынов, рабочих-стахановцев, бойцов Красной армии, кровь трибуна революции Сергея Мироновича Кирова несмываемо запеклась на руках этих убийц и изменников Хочется крикнуть на весь мир, всем, кто честным трудом зарабатывает хлеб свой, хочется крикнуть рабочим, работницам, трудовой интеллигенции всего мира смотрите на омерзительную морду, звериную морду троцкизма, боритесь с ним, разоблачайте его,— таков он всюду, прислужник фашизма, помощник палача и подлый поджигатель войны!. Мы, советские люди, рабочие, колхозники, интеллигенция, мы требуем для этих подлых злодеев самой суровой кары. В нашей сталинской Конституции ясно сказано: «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР Измена родине нарушение присяги переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние ..» (Конституция СССР, статья 133). Они совершили преступлений во много раз больше, чем здесь сказано, эти презренные изменники, они должны быть уничтожены!. Мы требуем для них высшей меры наказания — расстрела.

Но матерый бешеный волк фашизма Иуда-Троцкий еще жив Находятся правительства, которые еще оказывают ему гостеприимство Теперь Иуда обосновался в Мексике и, едва ступив на мексиканскую землю, уже начал свою растленную пропаганду против Советского Союза, против социализма Иуде-Троцкому и его выродку Седову, как и вообще фашизму, не уйти от народного суда.

Никакие враги, никакие диверсанты и разбойники с большой дороги не могут бороться с могучей силой, с монолитным единством советского народа. Уничтожив врага, мы еще крепче возьмемся за руки, партийные и непартийные большевики, еще теснее сплотимся вокруг Центрального Комитета нашей партии, вокруг нашего любимого родного вождя — товарища Сталина Ему, партии, нашей родине принадлежат наши силы, наша работа, наша жизнь.

Вся мощь социализма, все благороднейшие идеалы человечества у нас, в нашей великой Конституции, в нашей советской жизни, в наших людях, в героической борьбе нашего народа за свободу и его трудовые права. Сила, свет, разум — у нас.

Обагренные кровью, обросшие косматой шерстью звериной злобы и бешенства, потерявшие облик человеческий, стоят перед лицом суда народного заклятые враги трудящихся всего мира. А честные люди всего мира, все подлинные друзья Советского Союза вместе с нами скажут: да, бешеных псов фашизма надо уничтожить.

Н. ОГНЕВ

Кровавая свора

Они пакостно копошились вне поля зрения, в каком-то отхожем углу политической арены, а когда выползали наружу, то напяливали умильные клоунские личины:

«Грим, грим, прежде всего, — шептали они друг другу. — Какой угодно грим, лишь бы замазать правду...»

Они каялись один за другим и, бия себя в грудь, выли о каких-то своих «ошибках»...

«Мне нестерпимо стыдно!... — визжал Пятаков. — Я ошибался, ошибался тяжело!...»

Он прижимал руки к груди — для убедительности:

«Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчали этим бандитам делать свое черное дело...»

Он делал вид, что задыхается от «избытка чувств»:

«Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование...»

Все это черным по белому написано в статье Пятакова. «Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей».

Этот кровавый бандит, трижды изменник и предатель делал вид, что он — всего-навсего «благодушный ротозей».

Ему вторил Радек, «космополитический» шут и негодяй. Радеку тоже «не хватало слов, чтобы выразить».

И вся свора извивалась в лживом раскаянии, подвывая вожакам, в кошмарной, не знающей прецедентов, клоунаде... Извивалась, пряча презренные лапы, запятнанные кровью лучших сынов родины — Сергея Кирова и кемеровских рабочих.

Но дело не ограничивалось клоунадой. Была и торговля. И вот тот товар, который они в компании с гнусным, прячущимся от народного возмездия атаманом всей шайки Троцким, угодливо и раболепно предложили немецким и японским фашистам, своим принципалам:

— Кровь народов Советского Союза.

Под эту драгоценную кровь они уже получили денежные суммы, они считали сделку завершенной, они втихомолку подсчитывали прибыль. Они торговали нами, нашей родиной, нашими землями, нашими победами.

Они пробирались к самому дорогому и святому, что есть в Советском Союзе, — к жизни наших вождей.

Вот что таилось под клоунскими личинами, под масками кающихся политических шутов!

Теперь маски сорваны. Грим сполз и обнаружил звериный оскал фашистских морд.

Из их «подполья» понесло зловонием и смрадом гнойного разложения.

Волей народа гнусная клоунада прекращена!

Возможно, — они и теперь будут «раскаиваться». Но — хватит с нас клоунад!

Они продали свое человеческое обличие, и их настиг приговор народа. Этот приговор — стереть их как можно скорей с лица земли, обратить их, презренных убийц и торгашей народной кровью, — в ничто!

От этого приговора не уйдут ни они, ни их сообщники и вдохновители за границей — Троцкий и Седов, ни общие их хозяева — фашистские палачи.

Г. ФИШ

Ответить так, как советовал «Друг народа»

«Друг народа» — Марат сказал: «Нужно пролить кровь десяти виновных людей, чтобы спасти жизнь тысячам невинных».

Приговор пролетарского суда и будет проявлением этой высшей меры гуманизма.

Казнь двух десятков испанских генералов весною прошлого года могла бы спасти десятки тысяч трудящихся, молодых, горевших творческой энергией испанцев, которые сейчас действиями преступных генералов — союзников Троцкого и подсудимых, стоящих ныне перед судом советского народа, превращены в трупы.

Испанский народ выступает сейчас на процессе рядом с украинским, рядом с русским народом, рядом с населением Еврейской автономной области и десятком других народностей Союза — как прокурор, как обвинитель. Если бы не свежа была еще кровь товарища Кирова, если бы не была свежа еще кровь взорванных и удушенных в шахтах рабочих и красноармейцев, погибших в поездах, пущенных под откос, могло бы показаться трагифарсом, — когда карлик, возомнивший себя великаном, так бесцеремонно, ничтоже сумняшеся, раздает иностранным капиталистам:

— Хотите Украину? — берите Украину. Хотите Приморье? — берите Приморье.

Раздает, не спросясь хозяина, разрывает на куски живое тело Советского Союза...

А если украинский народ не хочет? А если трудящиеся так легко отдаваемых областей не хотят принадлежать никому, а только самим себе? А если воля народа?!

— Плевать на народ, на его волю, на его счастье, на его свободу.

Отдать целые народы и страны в рабство. Итти на реставрацию капитализма в худшем и злейшем его проявлении. И все это для удовлетворения своих гнусных вожделений,— скорее, скорее, убить вождей народа, потому что:

— Вы знаете характер Льва Давидовича, он рвет и мечет, он горит нетерпением...

Всей своей политикой в дни Бреста, в борьбе против Ленина, он был на словах против уступок империалистам, а своей политикой ставил под угрозу самое существование советской власти. Это было на-руку германскому империализму.

И сегодня — любые уступки, — с непостижимым цинизмом и самую советскую власть он отдает тому же германскому империализму. Это ли не единая линия!

А его соратники, с такой же легкостью рассказывающие о своих омерзительных делах, с какой совершали их.

Если их имена и войдут в историю, то лишь как символ, знак для обозначения существа самого презренного, подлейшего, патологического, властолюбивого, цинично-жестокого врага народа — такого существа, для которого имена Каина и Иуды покажутся ласковыми кличками. Потому что и Иуда, раскаявшись, повесился сам, а не готовил хладнокровно убийства тысячи людей. В то время как наша родина готовится в случае нападения победить малой кровью, эти люди желали ей поражения — и во имя этого поражения готовились залить ее большой кровью...

Наш народ — гуманнейший из всех народов современности — ответит так, как советовал «Друг народа».

Выше большевистскую бдительность!

К. ФИНН

Есть ли большее предательство?

Они спускали под откос воинские эшелоны.

Они убивали рабочих в шахтах. Они распродавали родину заклятому врагу.

Они говорили, что все средства хороши для борьбы против социалистической революции.

Растленные предатели — они действовали...

...Помню — на одной из улиц московской окраины городовые били человека. Городовых было двое. Они были толстые, с усами. Человек, которого они били, был худой, бритый. Городовые били его долго, сосредоточенно, аккуратно, я бы сказал. Потом они повели этого человека по улице, вернее — понесли, поддерживая под руки, с ужасной полицейской нежностью. Они, эти два толстых и отвратительных человека, испугались, очевидно, того, что жертва их может умереть, испугались своей ответственности за эту смерть.

Никогда в жизни не забуду я этого вечера, никогда в жизни не забуду я этой лужи крови на грязном, талом снегу.

Мы, мальчишки окраины, некоторое время бежали за городовыми. Мы ругали их. Мы придумывали самые обидные, самые отвратительные слова. Один из городовых остановился, бросился к нам, запустил в нас камнем. Мы разбежались.

— Это политический... — сказал мой товарищ Петя.

— А может быть, вор?

— Разве воры такие бывают? — Петя оглянулся и тихо прошептал: — Это политический. Это большевик. Я его знаю, он в Бахрушинской больнице санитаром служил. Будто бы он санитар, а на самом деле он политический. Мне отец говорил.

Я впервые тогда услышал эти слова — «политический», «большевик».

Я помню лицо этого большевика так, как будто бы видел его вчера. Это было молодое, энергичное, ласковое лицо. Это было лицо человека, которому можно рассказать тайну, которому можно рассказать сокровенные мысли, который никогда над тобой не посмеется.

Мы вернулись на то место, где происходило побоище. Там мы долго стояли. Уже зажглись фонари, убогие керосиновые фонари окраины, а мы все стояли, стояли у этого места, у этой святой крови. И это место и этот кровавый снег тоже запомнились на всю жизнь.

В фашистской Германии смертельные враги революции, смертельные враги рабочего класса избивают и уничтожают коммунистов. Нет тех пыток, которые не применяли бы фашистские варвары к коммунистам. Их бьют на улицах, над ними издеваются в фашистских застенках.

Лучшие люди Германии, лучшие люди всего мира бьются против фашизма, отдают свою жизнь в борьбе с ним.

В эти дни, когда в Москве кучка троцкистских мерзавцев делает свои признания перед советским судом, в это время в фашистских застенках, а, может быть, на улице, на окраинной улице какого-нибудь города, в луже крови лежит избитый на-смерть рабочий-коммунист.

Господин Радек, господин Пятаков, господин Сокольников и прочие господа, троцкистские негодяи, это вы вместе с вашим вождем Троцким, вместе с вашими ближайшими друзьями из Гестапо убили этого человека, бросили его утопать в луже собственной крови.

Есть ли больший позор перед всем передовым человечеством?

Есть ли большее предательство лучших идеалов человечества, чем то, которое совершили вы?

Близится двадцатилетие советской власти в нашей стране. Родина, партия ждут от нас, советских писателей, настоящих, боевых художественных произведений, тех произведений, которые помогли бы народу строить новую жизнь, тех произведений, которые разили бы врага внутреннего и внешнего.

Мы, советские писатели, сделаем все для того, чтобы оправдать надежды, возлагаемые на нас, для того, чтобы оправдать высокое звание «инженеров человеческих душ».

Но вместе с тем мы, советские писатели, ни на одну минуту не забываем, что большинство из нас — граждане призывного возраста, что мы молодые и сильные люди.

Пусть знают фашистские изуверы, пусть знают враги рабочего класса, что советские писатели в тот день, в тот час, когда это понадобится, станут солдатами, бойцами.

Пусть знает Иудушка Троцкий, что с ненавистью и презрением вспоминаем мы его.

И каждый из нас вместе со всем народом, вместе с партией, вместе с вождем народа товарищем Сталиным грудью встанет на защиту Страны Советов.

Если сейчас где-нибудь в фашистской стране на грязном снегу умирает в луже собственной крови товарищ, мне хочется крикнуть ему:

«Товарищ, мы, шестая часть мира, с тобой. Товарищ, мы раздавим твоих убийц, обещаем тебе это!».

И если какой-нибудь мальчишка окраины смотрит на лужу крови на снегу, как смотрел много лет назад я, мне хочется сказать ему, мне хочется крикнуть ему:

«Учись жизни!

Перед тобой одна из страшных ее страниц. Будь сильным, будь крепким.

Помни, что люди, которых называют большевиками, победят черный мир фашизма, издыхающую буржуазию, и дадут тебе такое счастье, мальчик, какое не знало человечество никогда».

Д. МИРСКИЙ

Чужеродный сор

После Зиновьева и Каменева казалось, что трудно нас будет удивить новыми рекордами мерзости, предательства и злобы. И, однако, Пятаков, Радек, Сокольников и прочие превосходят все, что мы видели до сих пор. Язык отказывается характеризовать эти людей, так как в нем нет ни одного слова, которое бы дотягивало до этого еще не обнажавшегося дна человеческого падения! Мы говорим «Иуда Троцкий», но легендарный Иуда был невинным простецом в сравнении с этим.

Кто эти люди? Как дошли они до этого дна? Когда-то, надеясь с ее помощью сделать карьеру, добиться славы и власти, они примазались к пролетарской революции.

Типично буржуазные хищники, они думали в пролетариате найти тот трамплин к собственному величию, который подобные им находили в буржуазной демократии. Они думали, что и тут довольно будет хорошо привешенного языка и достаточного запаса беспринципности, чтобы достигнуть степеней известных. Но оказалось, что пролетарская революция не лестница для хищнических вожделений честолюбивых мещан. Честолюбие и властолюбие оказались обмануты в своих надеждах.

Они поняли, что внутри страны нет никаких сил, на которые они могли бы опереться. Они столкнулись с глубочайшей народностью нашей советской власти, глубочайшим единством вождей и масс — и потому-то одновременно они готовили террористические акты и против вождей и против масс. Они убили Кирова, они хотели убить Сталина, Ворошилова, Молотова,—и в то же время они безжалостно убивали кемеровских рабочих, пускали под откос поезда с красноармейцами.

Рабочие и колхозники нашей страны для них были такими же «об'ектами» их лютой злобы, как и вожди. Им пришлось стать «международниками» — поступить на службу к Гитлеру и Хироте, — других друзей они не могли бы найти.

Они отлично знали, что они делали. «Международники» Радек и Сокольников совершенно ясно понимали, что торжество «антисталинских сил» равносильно реставрации капитализма, а реставрация капитализма в нашей стране возможна лишь при помощи фашизма. Не останавливаясь на отвлеченном понимании этой теоретической истины, они и выбрали соответствующих хозяев,— самых недвусмысленных: Гитлера и японскую военщину.

Совершенно ясно они представляли себе, эти «международники» во главе с Троцким, что вопрос о захвате власти может стать конкретно только в результате войны, только в результате победы фашистско-империалистических агрессоров.

И они шли на это совершенно «трезво».

Германии обещали Украину, Японии — Дальний Восток, той и другой свободу капиталистического внедрения в нашу родину и восстановление кулачества. Совершенно спокойно и систематически выполняя задания представителей Гестапо и японской контрразведки, они приступили к работе по «подготовке тыла», только досадуя, что работа эта шла не так успешно, как им бы хотелось. Но планы были грандиозные. Они готовились уничтожить Красную армию. Сорвалось! Немножко только не дотянули до 1937 г., когда им было обещано, что Германия и Япония нападут на СССР.

Но какая подлость! Что осталось от их властолюбия? Какая власть мечталась им, над чем? Над страною, доведенной с их помощью до разорения и гибели, лишенной Дальнего Востока и Украины, отданной на поток и разграбление иностранному капиталу, где сами они были бы только карманными генералами Франко, презренными орудиями иностранных господ.

Об этом они мечтали! Этого они добивались! Трезво учитывая ненависть к ним советских народов, они лелеяли бредовую картину нашей родины, побежденной фашистами, искромсанной, ограбленной.

Они умели трезво учесть, как народ **ненавидит** их, но, лишенные человеческих чувств, ползающие по своему дну, они не могли представить себе, как народ **любит** родину, **любит** Сталина, не могли учесть, каким стал народ, как он силен в своем единстве, как он богат доблестью и геройством, этот народ, в котором Герой Советского Союза, будь он летчик или танкист или человек другой профессии, **стал типом,** стал массовым явлением.

Но чем чище, чем лучше, чем героичней и доблестней люди нашей страны, тем беспощадней будем мы очищать ее от ядовитых животных — троцкистов и зиновьевцев — агентов фашизма.

Страна вычищает из себя чужеродный ей сор. Ядовитые гадины пойманы и будут уничтожены.

Наш Сталинский дом, прочно построенный, будет чист от них.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

Мастера смерти

Я глаза закрою—станет больно.
Выплывет декабрь.
Недавний год.
Вечер.
Легкою походкой в Смольном
Киров коридорами идет.
А потом
В моих ночах бессонных,
Встанут, звезд сияющих светлей,
Те красноармейцы, что в вагонах
Пели, рядом с гибелью своей.
Я себе скажу,
Друзьям скажу,—
Проверьте.
Вас не слишком ли пленил покой?
Сквозь кордон
Проклятый мастер смерти
Тянется кровавою рукой.
Подлые шпионы и бандиты
Радеками терлись возле нас.
Может быть, еще не все добиты—
Крепче руки и острее глаз!

Р. ФРАЕРМАН

Мы вытащим их из щелей на свет

Что они хотели сделать! Убить, предать, уничтожить счастье целого народа, самое дорогое, самое дорогое благо, какое мы имеем — нашу родину.

Сквозь какие муки мы прошли, сколько крови своей отдали, сколько жертв принесли, чтобы сделать ее такой, какая она есть, могущественной, богатой и мирной, являющейся единственным убежищем для всего угнетенного человечества.

И на все это руку поднять!

Гнев туманит голову. Не нахожу слов. Хочется только кричать.

— Уберите их скорей! Уберите!

Пусть не видят их люди, не слышат.

Они недостойны жить!

Но и после смерти народная ненависть будет преследовать их имена.

Из какого страшного мрака пришли они к нам — эти жалкие слуги фашизма.

Нам, советским людям, трудно представить себе, как темна эта ночь, которая вот уже несколько лет стоит над Германией. Но силишься все же представить и вспоминаешь детство, когда такая же ночь висела над царской Россией. Вспоминаешь процентную норму для евреев в школах, вспоминаешь погромы и, что куда хуже погромов, то ужасное чувство безысходности, тоски, которое никогда не покидало людей, не покидало даже меня, маленького мальчика.

От погромов можно было спрятаться, от жандарма убежать, от громил отбиться камнями.

Но куда было уйти от нищеты, от убожества, от безумия жизни? Нам родина казалась тюрьмой.

И даже сейчас, много лет спустя, при одном воспоминании об этой жизни ненависть закипает в сердце, ищешь невольно оружия. Но вдруг опомнишься.

— Что с тобой, — скажешь себе,— ведь это давно прошло. Этого нет больше и никогда не будет.

И вот опять они — эти поборники капитализма и фашизма. Эти гонцы из темного царства, где поспешно, с таким усердием Гитлер выращивает новое племя мучителей.

Предатели! Сколько лживых слов оказали они, чтобы нас обмануть, и какие ужасные замыслы!

Изменники! Нашей землей, нашей кровью хотели они торговать; убить вождей, любимых нами; призвать войну, болезни, голод, чтобы снова ввергнуть в рабство свободные народы великого Советского Союза.

Враги! Мы не боимся их, хоть будь у них десяток запасных троцкистских центров. Никто не победит ни нашей любви к великой родине, ни ненависти к ее врагам. Мы вытащим их из щелей на свет. Но пусть уж не ждут пощады!

Б. РОМАШОВ

Изменникам—суровый приговор

Трудно представить ту степень морального разложения, той человеческой низости, до которой докатились действующие лица т. н. «параллельного центра» троцкистской команды. Нельзя без содрогания читать их гнусные показания, в сравнении с которыми кажется ничтожной мерзость внутренней опустошенности и духовного распада, выраженная в страшных образах Достоевского. Так цинично рассказывать о преступлениях против своего народа, перед родиной, могут только отбросы человеческого общества...

С омерзением ощущаешь во всем этом злодейском предприятии, во всем этом клубке преступных махинаций, подлостей, предательств, ту отталкивающую маску, которую носили преступники. Маску угодливости и смирения, под которой скрывались оголтелая ненависть и безмерный цинизм. И вот перед судом—с ужасным спокойствием, с потрясающей деловитостью они рассказывают о таких преступлениях, с которых нельзя читать без отвращения...

Самый суровый приговор должен быть вынесен предателям и изменникам, шпионам и убийцам, продающим свою родину.

Б. ЛАВРЕНЕВ

Их судит вся страна

В дни, когда наша родина, после принятия величайшей из мировых конституций, сталинской Конституции, с радостью, бодростью и уверенностью вступает в новый славный этап своего существования, в дни, когда на Западе фашистские гориллы рейнского и римского происхождения пытаются задавить испанскую революционную демократию и за ходом этой великой борьбы напряженно следит весь мир, — в эти дни на скамье подсудимых, в зале Верховного Суда СССР, сидит кучка людей, нет, не людей, а человекообразных негодяев, переступивших все пределы человеческого.

Как ни противно брать в руки перо для того чтобы писать омерзительные имена предателей и изменников, — делать это нужно, чтобы показать всему миру их настоящие звериные морды, сорвав с них человекоподобные маски.

Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Дробнис, Лившиц, Муралов.

Опрокинутые в открытой борьбе, они ушли в подполье. Напялив маски раскаяния, смирения и доброжелательства, они ни на минуту не прекращали ожесточенную, подлую борьбу против партии, против воли многомиллионного советского народа, разоблачившего их и лишившего их власти.

Как мелкие жулики, они много раз попадались с поличным в своих преступлениях против партии и народа. В такие моменты они ползали на брюхе, как пресмыкающиеся, трусливо юлили и лгали, валили друг на друга свои грешки, просили о пощаде и клялись всем святым, что прозрели и поняли свои ошибки и никогда больше не пойдут по ложному пути.

Великая гуманность советского народа не раз спасала их от заслуженной кары. Не раз советская страна прощала им преступления, поверив их униженным и трусливым мольбам и клятвам. И тогда, принимая эту снисходительность за слабость, как это свойственно подлецам, они немедленно начинали гадить с новыми силами и энергией.

Нет меры и конца их преступлениям, лжи, вероломству и подлости. Идя все время по пути преступления, они докатились, наконец, до тайных убийств, до измены родине, шпионажа, диверсий, сотрудничества с Гестапо, до сговоров с фашистскими интервентами о свержении советской власти вооруженной рукой, до расчленения и распродажи родины в качестве компенсации за предоставление командных постов их шайке.

Они хотели продать и предать сотни миллионов трудящихся в черное рабство фашизма, они хотели раздавить свободную советскую интеллигенцию, вернув ее в положение лакейской прослойки на службе капитализма, они хотели уничтожить братство и свободу народов СССР, уничтожить искусство, культуру и устроить на площадях нашей родины пышные костры из книг, в честь двух сердечных друзей—Троцкого и Гитлера.

Теперь, разоблаченные до конца, они сидят перед советским судом и с затаенной надеждой смотрят змеиными гляделками в лица судей, думая, что может быть еще раз удастся вывернуться и начать все сначала.

Но этого не будет, не может быть.

В сталинской Конституции, ставшей великой присягой нашего народа социализму, сказано с предельной ясностью: «Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние».

На скамье подсудимых сидят нарушители присяги, перешедшие на сторону врага, пытавшиеся нанести ущерб военной мощи государства, шпионы.

Они изобличены в этих преступлениях следственными органами страны и собственными испуганными и подлыми признаниями.

Они уличены в террористических массовых убийствах рабочих, строящих социализм, убийствах хладнокровных и циничных, совершавшихся со смехом, достойным дьяволов.

Их судит вся советская родина. Их судит каждый гражданин нашего отечества, верный родине.

Как командир запаса Красной армии, той армии, на которую с надеждой и любовью смотрит весь мир трудящихся, армии, защищающей нашу родину и ее дело, армии, которую эта банда предателей и шпионов хотела уничтожить — я голосую за смерть!

Как представитель советской интеллигенции, которую эти негодяи хотели поставить на колени и сделать прислужницей капитализма, — я голосую за смерть!

Как советский писатель, чьи книги они хотели сжечь, заставив писателя ползать у ног золотого мешка, как вынуждены ползать писатели буржуазного мира, — я голосую за смерть!

Во имя великого гуманизма, не того лживого и сентиментально-проституированного гуманизма, который проливает слезы над «всеми бедненькими», без различия их классового признака, но во имя гуманизма, охраняющего сотни миллионов трудящихся от рабской доли, угнетения и страшной жизни бессловесных илотов, — я голосую за смерть!

А. МАЛЫШКИН

Из дневника

22 января.

...Газет еще не приносили. Комнату обступили сосны, морозы, сугробы. В 9 часов вечера неожиданно по радио услышал страшный рассказ, не выдуманный рассказ о преступлениях, которым нет имени.

...В зале суда нет главных свидетелей. Пожалуй, эти свидетели не уместились бы в том небольшом зале, потому что им пришлось бы не стоять, а лежать. Это двадцать девять красноармейцев, здоровых, краснощеких и смышленых парней, тех самых, которые с изломанными костями и черепами полегли около станции Шумиха. Ехали они весело, возможно — в вагоне играл баян. Их провожали матери, сестры, друзья. Кто-нибудь из них собирался на следующей большой станции опустить письмо девушке. Молодая, краснощекая, озаренная любовью и лаской родины, жизнь, где все, самое волнующее, еще впереди — ученье, подвиги, или, может быть, просто работа, семейная жизнь. В этом зале они лежали бы в шесть рядов.

За ними еще в два ряда тела десяти кемеровских рабочих, обгоревших, на части разорванных.

Еще за ними — горловские...

Пусть те звери, одетые на подобие людей в пиджаки и чистые воротнички, созерцали бы неотступно во все время процесса дело рук своих — эти впалые глазницы, замолкшие уста, навсегда застывшие, изуродованные тела...

И там же рядом должны были еще стать сотни тысяч, а может быть и миллионы нас, работающих, строящих, пишущих, живых, не убитых, но обреченных этими предателями быть отравленными, удушенными, убитыми.

«Мы учитывали, что... будут человеческие жертвы.

Мы это учитывали и принимали, как неизбежность».

...«Даже лучше, если будут жертвы...»

...Страшный рассказ по радио временно окончен. Трудно в первые минуты думать, трудно работать. Откладываю листки рукописи в сторону. Со всем этим моим рабочим столом, с листками, с книгами, с пишущей машинкой я был продан и обречен.

Я говорю не о себе, а о каждом из нас.

И мой одиннадцатилетний Юрка, отличник, тоже был продан заранее и обречен. Чтобы истребить несколько килограммов его детского тела, с его четырехклассной мудростью, с его безграничной ребячьей любовью к Сталину и к матери, с восхищенным обожанием Чкалова и Молокова, хватило бы у этих и динамиту и бактерий.

Я говорю о детях каждого из нас.

Нет, троцкистская сволочь, мы еще живы!

...Выхожу в лес, который тут же, за окнами комнаты. Снежные деревья, деревья родины, огромные и темные. Гудки с железной дороги, грохотные ночные движения. Зарево Москвы... Да, наша страна в могучих руках, и мы живы, мы будем жить и работать, и радоваться, и побеждать. А для этих, для которых слова: негодяи, убийцы, выродки—слишком ласковые, слишком человечные слова, мы требуем одного:

Покарать беспощадно.

СКИТАЛЕЦ

Торговцы кровью

Не стоит много говорить о том, что это — падшие, морально растленные люди, у которых политиканство давно вытравило стыд, совесть, честь, что эти циники, утратившие даже понимание собственного нравственного уродства, знали, на что шли, и, «засыпавшись», не смеют ждать пощады.

Гнев, возмущение и гадливость вызывает их гнусная программа, явно неосуществимая и низостью своей глубоко оскорбительная для достоинства народов великой страны: неужели эти предатели могли серьезно надеяться, что можно творить все, что вздумается, с народом, совершившим с великими жертвами величайшую из революций? Какой народ мог бы пойти за ничтожными, подлыми изменниками, ползающими под чужою пятой?

Чего хотели они, чего добивались? Расчленения и порабощения страны в когтях иноземных хищников, ее ограбления и обращения в колонию!

Неужели, легко обещая жирные куски нашей великой страны чавкающим рылам европейского и азиатского капитала, могли они ждать, что народ не даст пинка прежде всего таким своим «благодетелям», а потом не найдет в себе силы для громового удара по их фашистским хозяевам?

Так могла думать только озлобленная кучка политиканов, людей с трусливой, рабской натурой, с подлой способностью лицемерить, двурушничать и безжалостно, бесстыдно торговать народным достоянием, народною кровью — во имя чего?

Во имя обращения обратно к давно разбитому корыту?

Но этого не может быть и не будет, ибо в мертвом призыве «назад» никогда не было ничего жизненного.

Жребий брошен, и не жалкой, отжившей «смердяковщине» остановить шаги истории.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ ЗА РУБЕЖОМ

Подготовка к пушкинским дням **за рубежом** охватывает все новые страны, а там, где эта работа ведется уже давно, она вылилась в ряд конкретных мероприятий.

В Чехословакии, где проявляют особый интерес к Пушкину, приближение юбилейных дней ознаменовано пушкинским репертуаром в театрах, докладами о творчестве Пушкина и трансляцией пушкинской программы по радио.

Недавно профессор Пражского университета Горак, возглавляющий пушкинский юбилейный комитет в Чехословакии, выступил с докладом о значении Пушкина для мировой культуры и о его влиянии на чехословацкую литературу.

Доклад профессора Горака транслировался по радио.

В Чехословацком национальном театре и в других театрах Праги идет «Сказка о царе Салтане»; постановка транслируется чехословацкими радиостанциями.

В ближайшее время в Национальном театре пойдут оперы «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». Кроме того, экспериментальный театр Буриана готовит постановку «Евгения Онегина» **как драматической** пьесы.

Организовавшийся в **США** Всеамериканский пушкинский комитет получает из ряда городов все новые сведения о мероприятиях, которые проводятся в ознаменование пушкинского юбилея.

Университеты **северных и южных штатов Америки** готовятся торжественно отметить пушкинские дни. В Гарвардском университете состоится лекция профессора славянской литературы Самюэля Кросс на тему «Пушкин спустя 100 лет».

В Бостоне при библиотеке организуется пушкинская выставка. В Калифорнийском университете состоится лекция о Пушкине профессора славянских языков А. Каун.

В **Эстонии** в городе Тарту (Юрьев) организовался пушкинский комитет, в состав которого вошли представители Академического литературного общества, союза эстонских писателей и ряда других культурных учреждений.

В феврале в актовом зале Тартуского университета состоится торжественное заседание с докладом о творчестве Пушкина и художественной частью из его произведений.

В высшей художественной школе «Палас» открывается выставка, посвященная великому поэту.

Во **Франции** также организовался пушкинский комитет, в состав которого вошли представители Сорбонны, французские писатели, члены парижской Академии музыки и ряда других культурных организаций Франции.

К пушкинским дням предполагается торжественное собрание в Сорбонне под председательством министра просвещения Франции. В «Гранд-Опера» организуется пушкинский вечер; в «Доме культуры» в Париже состоится собрание французских писателей.

Большая пушкинская выставка организуется в парижской Национальной библиотеке.

В **Англии** лондонское Общество культурного сближения с СССР совместно со «Славянской школой» организует пушкинскую выставку и торжественный вечер, посвященный Пушкину.

На вечере со вступительным словом выступит профессор Лассалес. Докладчики — Бернар Пэрс и английские поэты — переводчики Пушкина.

В Дании союз писателей готовит антологию произведений Пушкина на датском языке. В газете «Политикен» печатаются статьи о Пушкине.

Подготовку к пушкинским дням в **Литве** ведет Каунасский университет, который организует торжественные вечера с докладами о творчестве Пушкина. Государственный театр в Каунасе устраивает пушкинский концерт и лекцию о Пушкине.

«Капитанская дочка» все еще на экране

Управляющий трестом Росснабфильм т. Бенеман, который только на-днях выпустил на московский и колхозный экраны старую картину «Капитанская дочка», картину вредную и искажающую Пушкина (См. «Литературную газету» от 21 января: статью «Искаженный Пушкин» и письмо в редакцию автора сценария В. Б. Шкловского), «целиком и полностью» присоединяется к оценке фильма, данной в газете.

Он также считает, что фильм искажает Пушкина, дает неправильную, вредную трактовку исторических событий и героев. Он согласен, что и в «Дубровском» — фильме, значительно лучшем, чем «Капитанская дочка», много ошибок и того дилетантского искажения Пушкина, о котором говорил на тематическом совещании по кино руководитель ГУК т. Б. З. Шумяцкий.

Выпуск на экран «Капитанской дочки» управляющий Росснабфильмом об'ясняет... настойчивыми требованиями широких колхозных масс дать им картины о Пушкине и на пушкинские темы.

Но т. Бенеман знает, что колхозный зритель вырос: он не прощает исторической фальши и он не простит искажения Пушкина.

Росснабфильм присоединяется к мнению автора статьи в «Литературной газете» о необходимости снятия картины «Капитанская дочка» с экрана, но ждет соответствующих указаний со стороны репертуарных органов.

Главное управление кинематографии пока своего отношения к картине ничем не обнаружило.

Мы хотим знать, будет ли оставлена на экране вредная и искажающая Пушкина картина?

Уважайте советскую аудиторию

Я студент. Я люблю Маяковского. Семнадцатого декабря я пошел на вечер в Политехнический музей, где был организован союзом писателей вечер, посвященный Маяковскому. Я хотел услышать воспоминания о поэте, о его работе, о его влиянии на советскую поэзию. В афише были об'явлены выступления восемнадцати ораторов. Но половины из них на вечере не было.

Судя по выступлениям в печати и на литературных вечерах, многие писатели и литературоведы заверяют в своей любви и уважении к величайшему поэту нашей эпохи — Маяковскому.

Если вы, товарищи Олеша, Брик, Голодный, Катаев и другие, думаете, что срывом об'явленной программы вечера, посвященного памяти В. Маяковского, вы доказываете эту свою любовь, — вы ошибаетесь. Не уважая советскую аудиторию, вы тем самым не уважаете памяти Маяковского.

Но во всем этом виноваты не только писатели.

Почему организации, устраивающие подобные вечера, не обеспечивают своих обещаний?

Почему не было выступлений тт. Голодного, Накорякова, Плиско, Усиевич, Брика, Катаева, Олеши, Никулина?

Поэт Анатоль Гидаш обещал вопрос о неявившихся писателях передать в союз советских писателей.

Это следует сделать! Надо, чтобы советские писатели относились серьезней к своим обещаниям, чтобы они уважали советскую аудиторию.

Студент 1-го курса Моск. Ин-та Химич. Машиностроения
БОРИС ШТЕЙН.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 86-84 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-86-16 и 5-51-80.

Уполном. Главлита В—26106. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.